

Фердинанд Фингер

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Моя эмиграция

В воспоминаниях и фотографиях

Москва — Рим — Нью-Йорк — Берлин

Фердинанд Фингер

Просто жизнь

«Автор»

2010

Фингер Ф.

Просто жизнь / Ф. Фингер — «Автор», 2010

Эта книга подводит определённый итог творчества автора за последние годы.
Книга напечатана в авторской редакции.

© Фингер Ф., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Просто жизнь	5
Русская боль	6
Коса	7
Жизнь	8
Жизнь I часть	9
Случай	13
Елоховская церковь	14
Жизнь II часть	18
Река Нара	20
Жизнь III часть	22
Жизнь IV часть	26
Моя любовь – Иския	32
Жизнь V часть	35
Жизнь VI часть	40
Жизнь VII часть	48
Жизнь VIII часть	54
Швеция	54
Жизнь IX часть	59
Австрия	59
P.S. Чудеса	62
P.S. 2. Эвакуация	64
Военные стихи героям войны	70
Предчувствие	70
Атака	71
Награда	74
Катюша	77
Елена Алексеевна Орлова	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Фердинанд Фингер

Просто жизнь

Посвящается эмигрантам трех поколений

*Всем павшим и живым, подарившим нам жизнь и свободу в борьбе
с фашизмом*

Просто жизнь

Фердинанд Фингер

Русская боль

Эмигрантам

Вот мой чудесный дом, долина подо мною,
На ней лежат луга в невинной красоте.
Вершины гор в снегах – туманной синевою,
И птицей хочется взлететь в сияющей голубизне.

А запахи травы, покошенной на зорьке.
И в полдень жаркий – вот кормилицы идут на водопой,
И смех, и крик детей, играющих на горке,
И душу радует мне сельский быт простой.

В ручьях форель блестит в струящейся воде,
Боками в черных, красных точках тут и там мелькая,
Леса стоят в могучей красоте,
И белки по стволам то вверх, то вниз шныряют.

Живи и радуйся, все я душой приму.
Не многим ведь такая радость воздается,
Но что-то точит сердце, не пойму,
Щемящею тоской какой-то отдается.

Все, как в китайской сказке, в клетке золотой,
В ней трелью соловей не запоеет в неволе.
Так сердце русское без Родины щемит тоской,
Не знаю я таких, кто был бы всем доволен.

Ты немца привези в Сахару, головой в песок воткни,
Он прорастет в пустыне саксаулом,
А русского без Родины хоть в рай ты посели.
Душа его не расцветет, он будет хмурым.

Без трели соловья придется обходиться.
Подаренного Богом нам, поющего над тихой водой,
А может, чудо вдруг произойдет, свершится,
И Родина, не мачеха, нам подарит покой.

25.05.2009

Коса

Звени моя коса – коса, не подведи.
Сверкай своим зеркальным полукружьем.
Один прокос давно уж позади.
Трудом его прошел я не нутужным.

Вот точный легкий взмах я делаю тобой,
Смотри, трава почти с бесшумным охом,
Как бриллиантами покрытая росой,
Ложится под ноги мои со вздохом.

Хоть нехотя сопротивляется она,
Но скошенная все-таки ложится,
Как девушка в невинности, когда
Впервой не хочет парню покориться.

Вот покоряется косцу трава,
Прокошен луг второю полосой,
И станет кружкою парного молока,
Когда коровушка придет домой к подюю.

Закончена вторая полоса по всей длине.
Уже пора за третью браться,
А пот слепит глаза, стекает по спине,
И от рубахи мокрой надо избавляться.

Вся жизнь моя, как жизнь того косца.
Заполнена была трудом нутужным,
И бесконечно благодарен Богу я,
Что труд мой оказался людям нутжным.

Жизнь

Дорогой жене Риточке и сыну Георгию посвящаю

О, юность дальняя моя – тех дней сияние,
В своей душе хранил я долгие года,
Тебя я, Господи, прошу – продли воспоминанья,
И на дальнейший путь благослови меня!

01.05.2009

Ф. Фингер

Жизнь I часть

Итак, друзья, приступим понемногу,
Хотя в душе моей шевелится немного страх.
Мне надоела проза. С помощью Господней,
Всю жизнь мою я опишу в стихах.

Родился я в Москве – в тридцать четвертом,
Мой верный друг жена – в тридцать седьмом.
Года промчались вихрем бысролетным.
А как прошли года, я опишу пером.

Когда я был мальчишкою трехлетним,
И чувства страха не было совсем во мне,
Родители мои тогда в одежде спали,
Дрожа душой и телом в беспокойном сне.

Повсюду и везде сновали по Москве фургоны,
Что на боках своих простые надписи несли.
То «Мясо-Хлеб», то «Овощи», то «Фрукты-Воды»,
А в них спресованно стояли зеки-москвичи.

Искали крамолу по всем углам,
Искали там, «где конь и не валялся»,
А оказалось – вот он, таракан.
Одним плевком вождя убить собрался.

Москва была не та, которую мы знаем,
Машину личную и думать не могли,
Полуторки тогда дровами отоплялись,
Своими дизелями бревна жгли.

А сталинский кошмар средневековья
Здесь описать совсем не мой удел,
Об этом Галич пел, стихом прожег Высоцкий,
И Солженицын описать пером сумел.

И жил СССР, страх внутрь себя загнав,
В геометрической прогрессии текла людей посадка,
И если б не вмешался тут Господь,
Страна ушла вся б в землю без остатка.

Генералиссимуса гений безграничным был —
На целый мир такой пытался цирк устроить,
Чтобы младенец на младенца доносил,
А невиновный должен был свои грехи утратить.

Из льдин домкратом самодельным вынули корабль,
Со страшной глубины – хоть смейся или плачь,
А из Москвы в Нью-Йорк дыру заделали коловоротом,
Как указал усатый наш палач.

Еще отмечен был один народный подвиг,
Не крик стоял на улицах, а вой.
Когда на Полюсе спасли собачую упряжку,
А с нею чукчу с мерзлой незаконною женой.

С утра до вечера сплошной «ура» гремел,
Как Гризодубова с известным вместе Леваневским
В советском самолете океан пересекли,
А вышли не одни, а с маленьким секретом вместе.

Вот так десятилетиями дурачили народ,
В те страшные года, которые уж позабыли,
«Усатый» избежал осиновый свой кол,
Хотя на этот кол его бы и сейчас не посадили.

И в семьдесят четыре не возьму я в толк никак,
Как все прощается убийце-фарисею,
За что был на кресте распят Иисус Христос,
За правду-мать, которую он сеял?

Родительским крылом прикрыт был, слава Богу,
И с папой, мамой проживал спокойно дни,
Не знал того, что в дальнюю дорогу
Мешочки с сухарями припасли они.

И в этой вот стране – свободной и прекрасной.
Ведь мало палачу еще смешных забав,
Он в бедную семью ворвался, кровожадный,
От матери одно крыло он отрубил, отца забрав.

И вот с одним крылом, как раненая птаха,
С такою жизни тьмой сражалась птица-мать,
Чтоб вырастить меня и сделать человеком,
И в детский дом, когда придут, чтоб не отдать.

Шли трудные года, и шла война, но, слава Богу
В дом к нам уж не пришел усатый Вор,
Он больше нам не пересек дорогу,
Так здравствуй, наш московский двор!

О, наш московский двор – мы были обогреты,
Всегда он теплым был и солнышком согрет,
В те времена моя жена жила в среде военных,
А я рос в центре, там, где красный Моссовет.

А дождик детства никогда я не забуду,
Он дробной каплею по крышам колотит.
И с туфлями в руках, прыжками через лужу,
Девчонка из двора к свиданию спешит.

Мальчишка из двора бумажный свой кораблик,
В искрящейся воде вдоль тротуара запустил.
Другой мальчишка солнечный свой зайчик
Осколком зеркала проходим засветил.

Другой у теплой стенки, солнышком прогретой,
К большущей мухе нитку привязал, и вот
Она летает на огромном расстоянии
И недовольно там жужжит, как самолет.

В подвальном сумраке старинные редчайшие монеты
Так, между прочим, находили в те года.
И в «расшиши» их в пух и прах о стенки разбивая,
Не понимали, что мы делали тогда.

Монеты весили по сотне граммов, может.
Лица царей из серебра отлиты профилем.
И этот профиль так стирался на асфальте,
Что дворовой асфальт светился серебром.

Ах, сколько натворили всяких дел мальчишки,
И в том, что делали, не понимали ничего,
Не знали, к счастью, нумизматы все про это,
А то, наверняка, лишились бы сознания своего.

В мои годы все пространство, которое сейчас занято машинами, было обнесено забором. Двор имел замкнутое пространство, в котором мы росли и развивались.

Многие ребята ушли на фронт защищать родину и погибли.

Дом, где я родился, 1989.

О нем написано стихотворение «Коммуналка».

Заходите в домик и смотрите.

В углу мальчишки, что постарше, и девчонки
Затеяли играть в футбол – эх, эта детвора.
И в тысячи осколков разбивались стекла,
Поставленные только лишь позавчера.

Играли часто мы с чекою на гранате,
Чеку могли бы вырвать из нее – какой скандал.
Бог защитил – могли б мы это сделать,
И этих бы стихов я никогда не написал.

Война все стерла цены, кроме жизни.
А игры наши были – вот сплошной задор —
Столетней давности бесценные дагерротипы
Осколками ушедших жизней покрывали двор.

А в ожиданье вечеров – сплошные муки нетерпенья,
Когда же заиграет, наконец, трофейный патефон.
До трех утра двор утопал в волшебных звуках танго,
Которые нам всем дарил, скрипя иголкой, он.

Случай

Москва, ноябрь, сорок пятый,
И холода, и голода года.
В тот долгожданный день военного парада
Я выбежал мальчишкой со двора.

От Белорусского до Пушкинской и далее,
До самого конца моей Тверской
Громады танков – Т-тридцать четыре —
Четыреста стволов рвались в последний бой.

Сегодня страшно невозможное представить,
Невероятный гром и дым, стоящий на Тверской,
Удушье газов, проработанной солярки,
И вдребезг окна от вибрации на мостовой.

И вдруг случилось – «Мамочка родная»!
Один танкист махнул перчаткою в руке.
И я сквозь скрежет, лязг металла пробираясь,
Услышал: «Лезь на танк ко мне»!

И я скользнул сквозь люк полуоткрытый,
Проник я в танк скользящею змеей,
И неожиданно танкист в проеме люка
Коснулся до щеки моей колючею щекой.

Я – безотцовщина, едва ли не заплакал,
Не мог себе позволить, я такой.
И в башне танка, холодом объятай,
Был обогрет отцовской, теплою рукой.

Громадины в броне при минус тридцать,
Покорно ждали. Вдруг – приказ отдан.
Движенье по Тверской и вниз на площадь,
Где ждал их маленький, ужасный «Великан».

И легендарный танк, проскрежетав брусчаткой,
Как будто рвался он в последний бой,
За каменным мостом с мальчишкою расстался,
И тот счастливый побежал домой.

В тот день так повезло и мне, и маме,
Ведь мог в тот день домой не прибежать,
Не удалось бы проскочить чекистов оцепленье,
В объятья смерти несмышлениш мог попасть.

Благодарю тебя, божественное провиденье,
За колосок расстреливали в десять лет тогда¹,
Тебе спасибо, танк, что дымовой завесой
От верной смерти ты прикрыл и спас меня.

И до сих пор с трудом я понимаю.
Как перешел танкист смертельный тот предел.
По временам военным знал, что ожидает
Его немедленный и неминуемый расстрел.

Ведь сделал он непоправимую ошибку,
Что в танке невоенному быть разрешил,
И нарушение тех времен военного устава,
Ему бы вождь народов не простил.

В глазах вождя я был бы террористом.
Я – враг – внедрился в танк, и, если рассудить,
Снарядом мог шмальнуть по мавзолею,
За это пулю в лоб я должен получить.

Всем сердцем я теперь танкиста понимаю,
Как исстрадался без семьи с военной он поры,
Он обнимал меня, как своего сынишку,
Как любящий отец, вернувшийся с войны.

А Бог велик – и русского героя
От сталинской расправы защитил.
И много раз он, раненый и обожженный,
Надеюсь я, счастливо жизнь прожил.

Прошли года – мне семьдесят четыре.
Одиннадцать годков тогда ведь было мне.
Но я и до сих пор с восторгом вспоминаю
Щеку мужскую – ту колючую, прижатую ко мне.

Елоховская церковь

В Москве стоит Елоховская церковь.
Ты – сердце русское, таков уж твой удел.
Среди деревьев голубою свечкой
Ты устремляешься в небесный беспредел.

И пред тобой веками за веками
Не умолкает никогда мирская суета.
И нищих духом здесь Господь собирает,

¹ А. И. Солженицын. Архипелаг Гулаг.

Пришедших их к тебе издалека.

На праздники весны здесь выпускают птицу,
Относит птичек вдаль воздушный ветерок,
И хочется воды намоленной напиться,
И хочется ее забрать с собою впрок.

*Елоховская церковь.
В этой церкви крестили А. С. Пушкина.*

В ней пел великий Шаляпин.

И умиление в глазах сияет,
Как перед Господом сияет света суть.
И шел народ к тебе и в радостях-печалях,
Чтобы к душе святыни прикоснуть.

Здесь наш поэт великий родился,
И здесь его впервые окрестили,
Здесь в темечко его Господь поцеловал,
И Пушкина веками не забыли.

К тебе рекой лилась людей толпа,
Чтоб куличи святить на воскресенье,
Ты жуткую пору пережила,
Чтобы людские души одарить спасеньем.

В твоих стенах бывало иногда —
Шли службы под шаляпинское пенье,
Служенье Господу не прекращалось никогда,
И в будни, полных дел, и в дни поминовенья.

Вокруг тебя разлита Благодать везде,
Таков уж смысл Российской церкви нашей.
И большего Господь не может дать,
Чтоб ею одарить – заполнить души наши.

Мне повезло, здесь девушка росла
Под сенью этой церкви благодатной,
На пятьдесят вперед мне Бог послал жену,
И не желал бы я судьбы обратной.

В таком дворе во временах-невзгодах
Росла душою чистою моя жена.
Под звон колоколов хрустальных переборов
Чудесной девушкой вдруг выросла она.

Вот кончилась война – настало жизни лето,
И детства радостные сны не возвратить,
И через пару лет мы попрощались с детством,
Чтоб никогда потом о нем не позабыть.

А через восемь лет велением Господним
В стране, проженной нищетою и огнем,
Так в марте пятого, в году пятьдесят третьем,
Старуха Смерть пришла к усатому, сказав «Пойдем».

А баловство вождя таким невинным было,
Что миллионы так и сгнили в лагерях,

И чрез громаду лет при безобидном стуке в двери
Меня с женой охватывает страх.

Жизнь II часть

И после этого такая закрутилась чехарда,
Преступники делили власть, рубахи раздирая.
То Берия с Булганиным, то Маленков,
Сменяли друга друг, народ свой презирая.

Затем пришел Хрущев, ведь он на Украине
В тридцатых учинил такой голодомор,
Что результат таков – погибли миллионы,
И припечатан был ему народный приговор.

А также и за то, что кукурузою незрелой
Два полюса Земли засеял он,
И чукчи рыбу там теперь не ловят,
Початки кукурузные жрут вечером и днем.

Ну, смехом – смех, не можем мы Хрущева очернить
За все дела, что сделал он «случайно»,
Не позабудьте дорогие, как в ООН
Советским башмаком он колотил отчаянно.

Поэтому на кладбище Новодевичьем
Эрнст Неизвестный так его отобразил:
Направо белое – и с бородавкою лицо посередине,
А слева черное – вот он таким и был.

Зато навек обязан я ему с моей женою
За оттепель, подаренную нам тогда,
Вино, чувихи, хаты, рок-энд-роллы,
Нас покорили это время навсегда.

Немецкие острейшие ботинки «Дорн-Дорф»,
Роскошный кок под сорок сантиметров нам достались.
Пиджак весь в клетку, дудочкой штаны —
При виде нас менты, как тараканы, разбегались.

И вдруг счастливейшие годы моей жизни,
Вдруг не пойму, за что свалились на меня.
Червонный туз с червонной дамой выпал
Из той колоды, что Господь раскинул мне тогда.

В те годы, перед снятием Хрущева,
Квартирку однокомнатную получили мы,
Там сын наш родился в году шестьдесят третьем,
И треть задания жизни выполнили в те поры.

Родился сын, но многие теперь не помнят,
Что кушать было нечего, кроме воды.
А ведь новорожденный – он не знает,
Как мы должны достать ему еды.

Ну, вот и кончился тот шестьдесят четвертый,
И за посев «плевел» приходится платить сполна,
Ты их, посеявши, не жди, «пшеницею получишь»,
И полетела у Хрущева голова.

А Леонид Ильич решил: советскому народу
Достойной жизни нипочем нельзя давать.
И изловчились на своих «политбюрах» продумать,
Как весь народ
в Достойнейший Застойный Застой загнать.

Собравшись вечерком и похлебав коньяк иль водку,
Сократово-платоновую мысль пытаюсь в лоб загнать,
Ничтожества, пустышки, карьеристы
Решили свой народ примерно наказать.

И восемнадцать лет сидел народ в навозной куче,
Сидел и не сопел, свободно и тепло,
С придуманной войны Афганской собирая
То похоронки, то гробы, и больше ничего.

А после и не вспоминай стабильность,
Геронтологи власть в Кремле взяли,
А как Черненко умер, выбирать не приходилось,
Все старики в стране перемерли.

Затем – «святое место пусто не бывает» —
На сцену выскочил вдруг краснодарский демагог,
И жизни русской глубины не зная,
России навредил и подсобил, как мог.

При нем народ стал ездить за границу,
А по реформам стал он чистый чемпион,
Он запретил нам пить вино и водку.
А мы – не дураки, мы литрами пьем самогон.

Никак не мог постичь простую мысль:
что сицилизм с человеческим лицом
Похож на обезьяну с крокодильим рылом —
К такому выводу зоологи пришли потом.

Дошли и с гласностью, и с этой перестройкой,
Другие времена – не закричим «Ура!»
На грязном противне лежит крысиный хвостик,

От крысы съеденной еще позавчера.

Ну, хватит, хватит мне про Горбачева,
Казну России быстро он сумел опустошить.
Ну, нету водки, ну и хрен с зеленой,
Ведь мы не дети, самогоном можем закусить.

Любимая моя, Россия-мать,
Живешь веками ты в каком-то ложном действе,
Ведь как сказал великий наш поэт:
«Стою один, все тонет в фарисействе»².

Единственной отдушиной для нас в то время
Была поездка в «Нару» по весне,
Душою отдохнуть на девственной природе,
Не оставаться в городе, как все.

Река Нара

Хоть на денек нам вырваться, оставить город шумный
И наслаждаться нам родною стороною,
Прозрачную Вивальди музыкою многострунной,
Подаренную нам струящейся рекой.

Смотреть, внимать и видеть отражение
В воде стоящего стеною ивняка,
И слушать соловьев расщелканное пенье,
Оркестром мощным доносящимся издалека.

Придти на берег твой и шелк травы душистой
Нам ощущать усталую спиной,
И ивы плачущее отражение в воде лучистой,
Склоненной грации над тихой водой.

Тропою просеки покрашены бока —
То земляника рдеет по оврагу,
Теплыню духовитой разлита,
Жужжаньем пчел, занятых взяткой к благу.

Здесь каждый куст обвешан соловьями,
Как у рябины ягодами грозди в нужный час
И духовитым вечером, и ранними утрами
Душа трепещет тихой радостью у нас.

Твои луга, леса, туманные болота

² Высоцкий

Нам сияны неземною красотой,
Из оперы «Набуко» здесь звучат все ноты,
Написанные Верди – гения – рукой.

В прозрачности твоей, сравнимой со слезою,
Песчинка каждая на дне реки видна.
Речная ракушка свои раскрыла створки,
И бесконечно рыба пескаринная игра.

Под берега откос тихонечко расставив руки,
По локоток в струящийся поток войдя,
Ты неожиданно добудешь ужин для любимой,
Вдруг ощутив под жабры схваченного головля.

А в наступившем вечере на колышки подвешен,
Целован сажей котелок с кипящею ухой.
Какой Рокфеллер там – какие миллионы,
О пир души, ну что сравняется с тобой!

Невзрачные на вид и незаметные созданья,
В кустах поющие над тихою водой,
Могучей трелью пронизают мирозданье,
Напоенное здесь вечерней тишиной.

О соловей, тебя непостижимым даром
Господь и ангелы с небес решили одарить,
И голос Каллас в горлышке твоём звучит, и не задаром
Колоратуру высшей пробы можешь ты дарить.

И сердцу хочется за пенье соловьев благодарить,
Сам Караян, наверно, посчитал большим бы благом
Любые деньги этому оркестру заплатить
За дирижерство этой музыкою над оврагом.

О «Нара-Нара», как же мы ранимы
В воспоминаниях о юности утра,
А жизни дни бегут, бегут неотвратимо,
Но все звучат в нас трели соловья.

Жизнь III часть

Вот так жила трудяга, бедная моя семья,
В квартире небольшой, столкнувшись вместе,
Два высших – ведь экономист жена,
А я учитель, провалиться мне на месте.

В том семьдесят шестом хватало денег только на еду,
Да оплатить квартиру с тощего кармана,
Страна разваливалась прямо на ходу,
Родная власть нас задавила ложью и обманом.

Искали судорожно выход и нашли.
Ведь треть крови во мне от Моисея,
О, праотец мой добрый, помоги!
Спаси и вытащи отсюда треть еврея.

В квартире все отверстия заткнули мы,
Ночами, днями не смыкали вежды.
Боялись, что «всеслышащие уши» КГБ
«Всевидящий их глаз» разрушит все надежды³.

Ты уезжаешь, а надежды нет вернуться,
Ты без профессии, без денег, без добра,
Без знания языков, друзей, работы,
Для КГБ лицо твое – лицо врага.

Боялись угодить в Сибирь с семьей,
А зря – уж миновали те года.
Отдай квартиру нам, немецко-жидовское отродье,
И можешь сматывать отсюда навсегда.

И начались хождения по мукам,
Плати за выход из гражданства – это ты не знал?
Плати за то, что получил образование,
За то, что сорок два – ты нашим воздухом дышал.

Мы мебелишку нашу, все распродавали,
А посмотреть ее пришел гебешный генерал,
«Вы молодцы, мотайте поскорей отсюда», —
С улыбкой понимающей сказал.

А что отцы и матери замучены в подклетьи,
За это компенсацию сто баксов получай.
Ведь ты без паспорта, жилья, ты бомж – свободен,

³ М.Ю.Лермонтов

За визу выданную – распишись и уезжай.

А информация о Западе была у нас огромной,
Такую под землей о мироздании имеет крот.
И, чтоб не заблуждались мы,
Господь прислал нам Моню,
И он, как Галилео Галилей, нам доказал, что все наоборот.

«Ребята, мы рванем на Запад вместе,
На баксы наши все матрешки и шкатулки завернем,
Россия и без этих безделушек обернется,
А мы миллионерами в Нью-Йорке заживем!»

«Известен мне секрет изготовления зеркальной фаски,
Венецианец до того секрета не додул – вот идиёт,
Заделаем в Нью-Йорке фаски мы на всех витринах,
Не дрейфь, ребята, с песней и вперед!»

И вдруг пропал наш Моня, словно канул.
Он месячишко пропадал, а не момент.
А арестован был за дело, за «кондрашку»,
Которую при помощи его схватил провинциальный мент.

Везде и вся свой длинный нос всувая,
Секреты красок Палеха хотел он распознать,
Забыл, что вместо паспорта в Израиль визу предъявляя,
Любого он мента в «кондрашку» мог загнать.

Но забегу на пару месяцев вперед,
Господь ведь ничего не делает случайно,
От смеха в судорогах валялись мы на римской мостовой
При виде Монином весьма необычайном.

Миллионер стоял, расставив руки, ноги,
И сотнею резинок от трусов обвешан был живот,
Из всех карманов лезли пачками презервативы,
Заколками, булавками, расческами заполнен рот.

На голову из трепаной замученной лисы
Была надета шапка шерсти завалящей,
И зеркало со знаменитой фаскою внутри,
Чтоб мог он любоваться Римом, за спиной стоящим.

И, отойдя от смеха, побрели мы, голову склоня,
И пропадая в зависти, завистливой ужасной,
Вот ведь свершилась Монина мечта —
В отличие от нас он стал миллионером настоящим.

*Эмигранты из Москвы. Италия. Ладисполи, 1978
Проводы в Америку.*

Ну что, вернусь на пару месяцев назад,
От славной встречи с Моней – даты,
И в семьдесят шестом – тридцатом сентября
Нас окружили в Шереметьево солдаты.

Никто в последний путь нас не сопровождал,
А в стороне стояла мать, тихонечко рыдая.
Догадываюсь я, что думала она,
В то никуда и без надежды встретиться сыночка провожая.

*Эмигранты из Москвы. Италия. Ладисполи, 1978
Проводы в Америку.*

Не провожали нас не потому, что не любили,
Ведь в молодости все тебе и брат, и друг.
А потому, что души в страхе утопили,
В те времена работы каждый мог лишиться вдруг.

Мы поднялись по лестнице в таможеню,
По сторонам солдаты клацали затвором «калашей»,
Здесь нам сказали – чемоданы на стол,
Да пошевеливайтесь с этим поскорей!

Какие чемоданы – только чемодан и сумку,
Сумели мы от прежней жизни накопить,
А главное, лежала в чемодане урна,
В которую прах матери жены успели положить.

А мать жены святою женщиной была —
Прошла войну с оружием до Вены.
И наградили – в коммуналке прожила
И с жизнью счет свела, не дожидаясь перемены.

«А в этой вазе что? – последовал вопрос,
И вдруг, не дожидаясь и ответа,
По урне молотком произведен удар,
И высыпан был прах святой на грязную газету.

«У вас, быть может, бриллианты здесь,
Мы знаем вас, предатели без чести,
Награды и медали тещины на стол!
Мы не позволим вывезти на Запад эти вещи».

И долго в прахе том возился сатана,
А я стоял в оцепененье жутком,
Не мог поверить в то, что вижу я,
Казалось мне, я тронулся рассудком.

Вот так, ограбленные телом и душой,
Испытывая расставанья муки,
Мы распрощались с Родиной своей,
А на таможне КГБ уж умывало руки.

Жизнь IV часть

Наш первый самолет стоял на взлетной полосе.
Осуществленную в реальности несбыточной мечтою,
И мы вошли в него и сели, чуть дыша,
Казалось, происходит все во сне и не со мною.

Нет, это был не сон – кругом звучала речь,
Одетых превосходно, сытых иностранцев,
Тут Англия, Америка, Германия – не счесть,
Ну, и советских бывших парочка засранцев.

Освоились мы быстро, засучивши рукава,
Что делать с коньячком и водочкой... додули,
И в миг прекрасный аппетитный закусон
Ну, глазом не моргнуть, мы развернули.

«А так как говорили без акцента мы на этих языках»,
То молча жестом иностранцам намекнули,
И, оказалось, выпить иностранец не дурак,
Минуты не прошло, как водку коньяком мы полирнули.

И не заметили мы в радости тогда,
Как самолет прорвался в высоту – дельфином в воду,
И искренне порадовались господа
За то, что вырвались мы на свободу.

И, слава Богу, мы защищены транзитом,
Пока не попадем в тот вожделенный рай,
Немного денег на дневное пропитанье
Капитализм, ты хоть умри, но нам отдай.

Зато теперь ты в браке со свободой,
Которую ты всей душой хотел!
Теперь бы к браку этому прибавить бутербродик,
И доказать, что жизнь «существование белковых тел».

К тому ж Господь помог нам уцелеть,
Ну, не заметили мы в радостном угаре,
Что в крылья только половина керосина залита,
И самолет до Вены лихо долетел
«на вино-водочном коньячном перегаре».

Ну, смехом – смех, а жизнь – жизнью, брат,
Та Вена хороша сейчас для венского аборигена,
Попробуй ты с семьей без языка, без денег проживи,
Ведь даже бочки нет, которая была у Диогена.

А вскоре был сколочен тот еврейский поезд,
Заполненный бежавшими совками под предел,
Кого там только не было – дантист, профессор,
«Триперолог», повар, прожига-жулик,
Но последний в тот момент был не у дел.

А после мюнхенской Олимпиады нас особо охраняли,
Примерно, как у Брежнева – солдат не счесть,
Спецназ черненными 16-М вооруженный,
До Рима поезд провожал, какая честь.

Часы тягучие прошли и в сердце Рима,
Вокзальной суетой окружены,
Наш поезд в «Термини» вкатился тихо,
И в «вечном городе» вдруг оказались мы.

Затем в заношенном задрипанном отеле очутились,
Куда нас быстро провожающие привезли,
И здесь такое с нами приключение случилось,
Что в самом худшем сне не ожидали мы.

Раздался русский голос:
«Господа, счас время «перманджаре»,
Тарелку макарон извольте получить,
Затем наверх – дадут вам мили-лиры,
Чтоб в Риме-городе вам долларом служить.

У лысых волосы на голове поднялись дыбом,
За что нас обозвали грубым словом – «господа».
И что такое означает слово «перманджаре»?
А главное, за что дают нам денежки зазря?

За прожитую жизнь в «совке», за долгие года,
Нам никогда задаром денежки не выдавали,
Ни разу нас не оскорбили словом «господа»,
Еды бесплатной не давали – бесплатно лишь кричи «Ура!»

Конечно, все здесь страшно возмутились,
Оглобли развернуть – какое счастье, время есть,
Но быстро голоснувши, согласились,
Что это все возможно нам перетерпеть.

И оказавшись в абсолютно абсолютнейшей свободе,
Все побежали «вечный город» посмотреть.
На привокзальную на площадь Рима,
А выданные мили теплотой карманы стали греть.

На площадь вышли, и у нас квадратные глаза,

Там трансвеститы нас чуть в сети не поймали,
Какое счастье, что совковый опыт был у нас,
Ведь раньше трансвеститов – только мы и знали.

Там проститутки в два ряда заманивали мужиков,
На всю оставшуюся жизнь совки могли найти подругу,
А уж о «ролексах» железно-золотых —
Чего тут говорить, купи за пару миль и подари их другу.

Мильоны зажигалок продавались там,
На противнях железных там дымились каштаны,
Кокосовые дольки – все в белейшей белизне,
И орошали их журчащие фонтаны.

А в первые деньки пятерку долларов на душу,
Так, что в богатстве мы могли бы утонуть,
Плати за пачку «Мальборо» – а это миля-лира,
А на четыре остальные можно и гульнуть.

«Былого не вернуть, а будущего нету»,
В цыганской песне ведь поется так.
Ведь мы бомжи, без денег и без документов,
Прямым путем отправим денежку в кабак.

О «Траттория» римская – ведь ты совсем не шутка,
Там клетчатую скатертью покрыты все столы,
И можешь хорошо по-римски там покушать,
И можешь ты устраивать «лукуловы пиры».

Сейчас начнем: сперва на стол придут «Ризотто моцарелла»,
«Прошутто» с дыней – «Салато мисто» вдруг,
Вокруг тарелочки «Вердура котто» – отварная,
Лови момент и наслаждайся, друг!

Затем настанет время итальянской пасты,
«Аль-Астичи» лингвини тут «Фраскати» ставь на стол,
Спагетти «Болонезе» с нежным пармезаном,
Ты чувствуешь себя царем, усевшимся на трон.

Тебе финалом зазвучит оркестром мощным
«Коррето векья», ты эспresso закажи,
А перед этим рюмочку обледенелой «Граппы»,
И можешь веселиться для души.

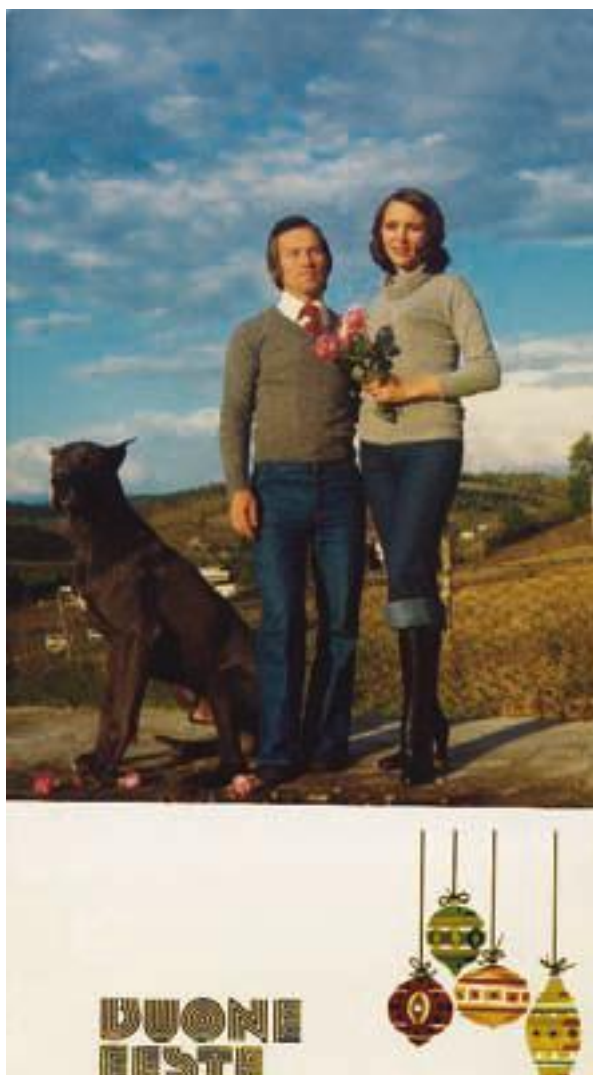
Теперь рутина – расскажу для сохранения арийской расы —
«Еврейцев» всех отправили в «ХИАС»,
Бастардов остальных в «ИРЧИ» определили,
Чтоб каждый знал, какой с рожденья у него окрас.

Сказали в месяц раз, чтоб приходили за получкой,
На шестьдесят поддерживали в месяц нас, сказали,
Чтоб жилье искали срочно, замков не снимали
И мебель антикварную не покупали б мы сейчас.

Случайно набрали мы на жилье под Римом,
На живописных, с пиниями, взгорках старый дом стоял,
И верхний в нем этаж мы на троих с Одессой поделили,
Внизу апартаменты – вечно блеющий барин снимал.

В уютной атмосфере (0+5, уютно) перезимовали,
Разбили урну с прахом тещи нам опять
Ну, что уж эти «шерлок холмсы» там искали,
Мне до глубокой старости вот это не понять.

И вдруг Господь нас наградил за нравственные муки,
На всю оставшуюся жизнь спасенье ниспослал.
Владелец домика, врач-рентгенолог Альдо Брокиери,
Наш главный Вектор жизни в руки передал.

Собака-одесситка, мы – временные итальянцы. 1976

Благодаря спортивно-медицинскому образованию,
Которому пятерку жизни лет отдал.
Я в тяготах его с ногами разобрался, и он, как резвый конь,
Пригорками с винтовкой поскакал.

Скакал, охотился, и в благодарности
за возвращенное здоровье
Ключи от клиники рентгеновской мне передал.
А адрес студии такой – «Ravenna Venti Quattro»,
Чтобы в дальнейшем в ней я пациентов принимал.

А в «вечном городе» он был известный рентгенолог,
И мне блестящую характеристику нарисовал,
И много римских дам за красотой в погоне, —
За точечный массаж лица легли к моим ногам.

В те времена моя работа стоила пять баксов в час,
Два пятьдесят откладывал я доктору заначку в книжку,
А остальную половину я по-братски брал себе,
Мне не казалось, что с него беру я лишку.

Смех смехом, но в дремучие те времена
Валюта что-то стоила от денег настоящих.
Глядь, месяц не прошел, и я купил жене
Кольцо шикарное из камушков блестящих.

За триста баксов с бриллиантами кольцо купил.
Сегодня стоит это барахло в десяток раз дороже,
В СССР монету эту за десяток жизней я б не накопил,
А банк взорвал – то, вероятно, получил в милиции по роже.

И вот настал счастливый тот второй момент,
Когда Господь вознаграждает в жизни за потери,
Ко мне пришел с женою Пией пациент,
Который главный архитектор Рима был, синьор Зампери.

Кафе «Эль Греко». Вечный город. 25 лет спустя.

На костылях пришли, но не одни, а с помощью друзей,
Внутри в ногах обоих вставлены эндопротезы,
Заснули год назад бедняги за рулем
И получили новые суставы из «титановой железы».

Два месяца работал я, как вол,
Я мышцы поднимал, формировал в минусовой надежде,
Добился своего, а костыли – в окно,
И оба вдруг пошли ногами, было все, как прежде.

Калеки перестали быть калеками, наоборот.
К синьору Корачу директора «Ирчи» по Риму побежали,
Все, что случилось, рассказали там они,
А также, что на остров Искию нас пригласить пообещали.

И благородный серб наш, Корач дорогой,
Не посмотрев на нарушение транзитного устава,
Позволил нам на девяносто дней уехать в рай земной,
Хотя и самому такого отдыха так не хватало.

Моя любовь – Иския

*О, Иския! – белейший твой песок!
Лазурным морем словно оцелован,
А сверху солнца льющийся поток...
И невозможной смесью красок глаз наполнен.*

Ты, мой Неаполь – сложною дорогой
Весь оплетен, как тот большой паук,
Окольными и трудными путями
До Порта Иския не доберешься вдруг.

Сперва заплатишь денежки на Толе
И 27 км ты в пробке простоишь,
Затем ты справа в узкую дорожку
Под мелким указателем влетишь.

И по разбитой улице на всей планете...
Не удивляйся, что сломается кардан,
Приедешь в порт – любимейший на свете,
Деля и смех, и слезы пополам.

А смех весь в том, что на таком корыте,
Заделанном в тех римских временах,
Как только ты вошел в него, любезный,
Тебя всего охватывает страх.

И вроде утонуть тебе так стыдно,
Везувий наблюдает за тобой,
Но вроде бы и больно, и обидно,
Не видев Искию, болтаться под водой.

Но я шучу – Господь хранит твой отпуск,
Трагета довезет тебя за два часа,
И втащит в порт, весь пальмами покрытый,
И невозможная тебя охватит красота.

Какие там бассейны, ахи-ахи,
Какая там термальная вода,
Но осторожен будь, не лезь куда попало,
А то обваришься с хозяйством навсегда.

Там все цветет, растет и дивно пахнет,
Прекрасное вино тут литрами идет,
И если апельсин от ветки вдруг отстанет,
Твою он голову наверняка пробьет.

Но не бойсь – там «Ospidale» рядом,
Две «Скорых помощи» там «Subbito» придут,
И бедного тебя, с огромной шишкой,
К хирургам на носилках принесут.

Жена и сын цветами расцвели за лето. 1977

А если возжелаешь жизнью насладиться,
Быть небожителем на искиганском берегу,
Цени меня как искреннего друга,
Как друг, тебе бесценный свой совет дарю.

Кати в отель к Antonio Sorriso,
Чтобы места успеть занять, там ждут тебя друзья!
И закажи морскую выкладку фрутти ди маре мисто,
Поймешь в момент, что прожил жизнь не зря.

Там устрицы в нежнейшей свежести на льду лежат,
С кусочками лимона вперемешку прохлаждаясь,
И сладостных объятий бросить не хотят,
Миг счастья подарить тебе пытаюсь.

На блюде на огромном не одни они лежат —
Окружены созвездием нарезанных
морских невиданных созданий,
Покрытые холодным потом,
шампанского бутылки тут стоят,
Как строй прекрасных стройных светлых зданий.

Лангусты, осьминоги, вонголи – все очереди ждет,
Как бы сойдя с картины темной старого голландца,
И обоняние волнует, нетерпеньем жжет,
И краски душу заставляют волноваться.

А ты сидишь с друзьями в этой красоте,
В ушах звучит живое пение бельканто,
И в атмосфере теплой, дружеской везде
Витает дух Италии, бессмертного таланта.

Финалом зазвучит такое многоцветье фруктов,
С бутылок дюжиной с ликерами и граппой ледяной,
И пей, что хочешь, сколько хочешь из бокала,
Затем с счастливою душой езжай домой.

Нашествие Батые с Искией случилось,
Приехавши сюда на край земли,
От исцитанских смугленьких аборигенок
Всех мужиков Наташки увели.

Теперь, гуляючи по Via Roma,
И ты мне в этом даже не перечь,
Я, как большой лингвист, – я в этом разбираюсь,
Я слышу от детей украинскую речь.

Таким блюдом балуют гостей в Ristorante Antonio u Nello Sorriso.

Жизнь V часть

Вот на такую Искию, которую я описал,
Привез Зампери нас в отель огромный «Мира Маре»,
И другу своему Коллизе Фердинанду передал,
И вся моя семья была, как громом пораженная ударом.

И Фердинанд в угоду другу быстренько подсуетил:
Мне кабинет под голубым воды каскадом он построил.
И вот ко мне поток больных туристов немцев заструил,
А вскоре все узнали про меня, и что я немцем там устроил.

Коллизе был крупнейший Искии миллионер.
Себя ценить я стал уж вдвое подороже,
И час мой стоил в тот момент десятков миль,
Хотя за это брать я мог и вдвое тоже.

Какая странная образовалась в жизни связь.
Я – Фердинанд, он – Фердинанд, и жены наши —
Маргариты тоже,
Мой сын ровесник дочери его,
И наши таксы точной копией похожи.

Шесть тысяч долларов сизифовым трудом скопил,
Жена и сын цветами расцвели за лето.
По-братски боссу три, а три себе я отложил,
В транзитном хаосе – спасибо Господу за это.

За те три месяца на Искии работы
В Неаполь ездил я в немецкий консулат,
И плавно объяснил, что я полуеврей плюс полунемец,
И что хочу на историческую родину назад.

Но историческая Родина мою семью к себе не приняла.
За то, что в Первую отец, немецкий офицер, сгнивал в окопах.
Ведь по немецким всем законам – немец я,
Чиновникам на все плевать, сидят на толстых жопах.

Приходится крутиться между двух огней,
По левой больно бьют за то, что я еврей,
По правой больно бьют за то, что немец,
А может, папуасом лучше стать мне поскорей?

Закончился сезон – закончилась работа,
По-итальянски запросто болтать могли.
И уезжать из рая в Рим – такая неохота,
Иисусе, Ягве, Будда – ну, пожалуйста, нам помощи!

Прощай, любимая, о Иския родная!
И вскоре в древний римский порт приехала семья,
И мы почти что год в транзите застревая,
Должны решить, куда поедem мы, друзья.

Потоки русских беженцев, Ладисполи переполняя,
Всем итальянцам сделали квадратные глаза.
За пару месяцев в квартирах итальянских проживая,
С их полным содержимым исчезали навсегда.

А в этих вот квартирах со времен Нерона
Такая накопилась вся в Антике красота.
Какие люстры там, ковры, картины, мебель,
И все нередко с тем потоком исчезало навсегда.

Италия, как полный кубок, до краев культурой налита.
Послушай, слева там звучит сонет Петрарки.
Скульптура Микельанджело вся солнцем залита,
В Венеции соборов купола блестят на площади Сан-Марко.

Там Данте Алигьери вдруг затеял с Леонардо спор,
Ведь много у великих тем для разговора.
Быть может, речь идет о ботичеллевской «Весне»,
А может, обсуждают в тот момент «Декамерона».

А в основном все итальянцы, как большие дети,
Им в первое свое знакомство просто поиграть,
А в гости пригласить и накормить – здесь нет дилеммы,
И можно о тебе назавтра забывать.

Важней всего на свете итальянцем ставится семья,
На месте на втором, важнейшем, мы еду оставим,
На сотом месте остальное – также и друзья,
А модную одежду мы на третье место обязательно поставим.

Жене наш итальянский привлекательный мужик
Изменит, походя, разочков полтора ста,
Но бросить женушку и в мыслях не привык,
Да и она при этом чувствует себя прекрасно.

А в общем вся страна живет на старом багаже.
Туристы стаями вороньими все города заполняют,
И зданья римские стоят, запущенные в черноте,
И римляне на них внимания не обращают.

Есть странная, подмеченная мной черта:
Они на улице весь мусор вокруг себя бросают,
А в доме итальянском поразительная чистота,

Снаружи – грязная помойка, а они не замечают.

За вещь ты сразу итальянцу избегай платить.
Что ты ему отдал, назад уж не вернется,
А если купленную вещь захочешь возвратить,
Тебе большим скандалом это обернется.

«А кто твой друг, и я скажу кто ты»!
И, несмотря на нелюбовность,
Италия десятки лет – мой лучший друг,
Пришедшая с небес – прекрасная невероятность.

Ну, что мне до того, что мусорят везде,
Ну, что мне до того, что денежки не отдают обратно,
Улыбки, комплименты делают везде и всем,
Здесь ты свободен, и душе здесь жить приятно.

Во многих странах, где я побывал,
Натянутость улыбок, холодность повсюду,
Особенно у шведов очевидностью видна,
И эту очевидность никогда я не забуду.

У итальянцев сущность их бежит от темноты,
Растением, придавленным из-под асфальта,
Душа их радостна, для них цветут цветы,
Как будто Каллас голоса контральто.

Прощай, прощай, Италия, до будущей весны!
Мы обязательно к тебе опять приедем,
А если вдруг ты нас цепями прикуешь,
Мы вообще согласны, мы отсюда не уедем.

А по субботам рынок под названием «Американо» посещали,
Вот здесь при виде соплеменников накатывала немота,
Доценты, воры, инженеры верх тут взяли,
Казалось, оккупировали все прилавки навсегда.

Весь итальянский говор стал ненужным и немым,
Звучал родной любимый мат, как на вокзале,
Там в синих и зеленых баночках и черная, и красная икра,
Там лифчики, презервативы, простыни горами – где достали?

На шеях хомуты из крупных полированных кораллов,
Им в двадцать первом веке не было б цены,
Виднелись тут и там рога маралов,
Как «в финской бане лыжи», так они в Италии нужны.

Но почему не торговал я, как и все?
А потому, что из Москвы вещей не присылали,

Поэтому все продавцы завидовали мне,
И почему я покупал у них икру, они не понимали.

В транзите от продаж им небольшие денежки текли,
И жен своих и сыновей они не баловали,
В отличие от меня, тех денег в тратторию не несли,
На траттории, рестораны денег не давали.

Наверно, думали, что будущую жизнь спасут они,
Спасет несчастная копейка – это капли,
Ну, понимаю, тысячи, быть может, помогли б,
А сотни эти жалкие спасут навряд ли.

С тех пор уж тридцать лет прошло,
Ладинсполи случайно вновь мы посетили,
Но маклерские долларов обмен и воровство
Ладиспольцы и до сих пор не позабыли.

Бывало, из Америки к нам приезжали чуваки.
Пораньше нас из матушки России умотали.
На фотках в девственной и сексуальной ломоте
Их трепанные жены на капотах кадиллачбых возлежали.

И кадиллаков вид подействовал на нас,
Ведь раньше я не мог купить руля от «Волги»,
На две шестьсот купили мы тряпье,
Чтобы в Нью-Йорке избежать кривые толки.

Америка сидела плотно в наших головах,
Картинками сороковых времен блестящих.
Какие боа, женщины, а смокинги, а рандеву!
Какие мундштуки во рту у дам курящих.

Приемы, мюзиклы, Армстронг и Нат-Кинг-Кол,
Я был уверен, заработаю на все на это.
Приехал, прослезился, понял, дурачок.
Что все мои мечты уплыли в Лету.

В огромном «Боинге» летели чуваки,
Прекрасно овладевшие англо-саксонской речью,
Примерно так же, как китайский мандарин
Владел старославянским и древнейшей
клинописью междуречья.

Пилоты «Боинга» должны нам кланяться, но до земли,
За то, что самолет наш не был перегружен,
Во-первых, потому, что груза языка мы не везли,
А во-вторых, и груза денег – нам он был не нужен.

Рынок «Американо». Италия, 1977

Жизнь VI часть

Ну вот, пересекли за девять часиков мы океан,
И Статуя свободы вдруг отбросила свой факел,
Свободными руками обняла нас вдруг,
От страха неизвестности, потерянности я заплакал.

И вот попали мы в ужаснейший отель.
Самоубийством здесь покончить легче!
Здесь тараканов больше, чем в Клондайк струилась толпа.
Зачем Италию покинул я – о, провалиться мне на месте!

Узчайший стрит, заваленный помойкой весь,
Какие-то двойные стекла в плесени и грязи.
За стойкой бара – по стаканам смесь.
Я понял – никогда не выбиться отсюда в князи.

С Лимоновым во всем согласен я,
Здесь абсолютно чувствовалось все чужое.
Поверь, здесь никому не нужен ты,
И никому не интересно все твое бывшее.

«Ирчи» в Нью-Йорке не был итальянское «Ирчи»,
Здесь не возились и минуточки с тобою.
Сказали, у испанцев ты жилье ищи,
Получку получи, а дальше обходи нас стороною.

Ну, пожалей же нас, читатель мой любезный,
Пронзающий ветер с холодом, дождем напополам.
Грязь, тараканы, немота, сто долларов в кармане —
Нет выхода, куда ни ткни: и тут, и там.

Вот приоделись и стоим мы на Бродвее.
Кругом какая-то обношенная кутерьма,
Там каждый пятый выглядел, как сумасшедший,
А каждый первый вроде бы нормальный был тогда.

А боа, смокингов и шляп там не было в помине,
И длинных мундштуков во рту курящих дам,
Китай везде, Китай дешевый, джинсы, куртки.
Зато у нас был вид, как с Марса марсиан.

Нет ни жилья, надежды, языка.
Возможностей полно, а бабок не нарыли,
Мы маленькие рыбы посреди акул,
Сожрут, съедят, о нас все позабыли.

И мы должны прорваться через этот бастион,
Но нет пока для нас опорного кронштейна,
А способов добычи денег миллион,
Но это относительно, как и в теории Эйнштейна.

«Эй! Где ты там, Эйнштейн? Чего молчишь?
Ну, помоги здесь выжить бедному еврею!
Ты что, напрасно там на небесах торчишь?
Пришли, пожалуйста, реальную идею!»

И он услышал нас, замшелый теоретик,
Он Ирочку Боровскую внезапно ниспослал.
Она знакомая была нам по транзиту,
Эйнштейн нас быстренько поднял на пьедестал.

NEW-YORK. Бродвей, 1978

Боровская сказала: «В километрах от Нью-Йорка тридцати
Кусок России посреди «Юнайтед Нейшен»,
Коровам можно покрутить немножечко хвосты
На ферме той «толстой фондейшн».

Ну что, помчались. Вдруг природа – красота,
На ней среди лесов стоят строенья,
И пахнет Русью здесь – здесь русская земля!
Ну, как из Пушкина-Есенина стихотворенье.

Там встретил нас сам князь Голицын,
Из сумрачных веков он настоящий князь
И сообщил название вакансий грубо – «жопомои»,
И я пообещал: «Лицом мы не ударим в грязь».

Затем повел знакомить нас с хозяйкой старческого дома.
Здесь я, признаюсь, просто обалдел вконец,
Встречала нас, аж в девяносто лет, Толстая Александра Львовна,
Об этом, думаю, наверно, «попросил ее Толстой-отец».

Работка предстояла – ты нам не завидуй.
Кати, вали, подмой, переверни, толкай.
России гордость этих старичков, старушек.
До той поры, когда Господь возьмет их в рай.

Попробую я описать людей, с которыми работал,
Светился в них честнейший жизненный подход,
Культура, воспитанье, вера в Бога, обращение.
Господь с любовью им готовил к смерти переход.

Ведь это были офицеры белые, которые в двадцатых
Стреляли в лоб плывущих вслед за ними лошадей.
Стреляли, чтобы лошади не утонули.
Стреляли, плача, в лоб испытанных друзей.

Бескомпромиссные вели бои с большевиками,
Одессу, Севастополь покидая навсегда.
И лошади, плывя в воде, в Константинополь провожали,
Не понимая, что хозяев не увидят никогда.

Благодаренье Богу – мы столкнулись,
С ушедшим миром – тем, что не вернется вспять,
Здесь голубая кровь России умирала,
И никогда ей не вернуться к нам опять.

Фамилии Волконские, Лопухины, Голицын,
Оболенский и другие
Звучали чаще здесь, чем Сидоров, Петров.
Большевики, как сорную траву, их начисто скосили,
А из дворянских гнезд наколотили дров.

Спесивцева воздушною летящей Терпсихорой,
Балета русского краса, любовь и честь,
Тихонечко у нас, тихонько угасала,
Других больших имен не перечсть.

Весь русский генофонд собрался вместе.
Последние из могикан все были здесь:
Родан Багратион и Тихон Гербов —
России честь и совесть, всех не перечсть.

Вот фрейлины царя и Смольного лица институтки
Здесь доживали век и часто наш язык,

Новейший русский сленг, не понимали,
Воспитаннейший мозг к абракадабре не привык.

А вера в Бога их была неколебима,
И на моих руках пока не умерли,
Ни жалобы, ни стоны я не слышал,
За что я низко кланяюсь им до земли.

Напротив нашего жилья – убогой сараюшки,
Стояли церковка – воздушною красавицей была,
Служил в ней Викторин, духовный окормитель,
На исповедь, причастие он попевал всегда.

Однажды прибежал святой отец к нам в домик:
«Эй, сони! Просыпайтесь поскорей!
Там за углом нашел для вас я что-то,
Что надо посмотреть, да побыстрей!»

Tolstoy-Fondation. Генерал Гербов – 101 год. Генерал. Командующий дальневосточным округом. Награжден орденом в связи со столетием. Мой близкий друг.

И побежали, но глазам своим не верим:
Там за углом стоит огромный «Кадиллак»,
А денег мы немножко накопили,
И полторы большой ценой назвать никак.

Америка-наш дом. 1978

Наша церковь, 1978

*Наш «Кадиллак». Наши две собачки: «Итальянец и русская девочка».
Из этого «Кадиллака» выпал американский*

Невероятный тот авто стоял почти что новый,
Ведь это целый самолет, вот это да,
Там двигается все простым нажатьем кнопки,

И что внутри – не описать мне никогда.

Забыл сказать, на данный на момент,
Ни паспортов, ни документов не было в помине,
Имели тоненькую белую бумажку на руках,
Которую на память я храню поныне.

И в этой бумаженции, величиною с носовой платок,
Моих защита прав американских «биль»:
Права на пенсию, плюс медицинская страховка,
Работу, социальную защиту и автомобиль.

Родился в бедности, в том сталинском остроге,
И прожил, как и все, я сорок два в СССР.
А здесь отец духовный одолжил мне тыщу,
И через месяц я имел, о чем мечтать не смел.

Скажу я откровенно, на права я сдал не сразу,
С инструктором проехался всего лишь раз,
А что случилось, до сих пор не понимаю,
И что за приключение, расскажу сейчас.

Наш «Кадиллак» был полным автоматом,
Как у троллейбуса, от тормоза педаль и газ,
Ну, я и газанул и повернул, а что он выпал из машины,
Мне кажется, он помнит и сейчас.

Бежал он долго вслед за кадиллаком,
Какой-то палкой без конца вослед ему махал,
Я почему-то думаю – кричал вослед комплименты,
По крайней мере, русского я мата не слышал.

А вскоре перед нашим домиком-сараем,
В котором жили мы, стояли сразу три —
Красавец – «Кадиллак», красавец-«Ягуар» для сына,
И новенькая «Мазда» для моей жены.

Мой сын в десятый класс «Хай Скул»
Пошел учиться, и как-то сразу в школе преуспел,
И приглашение в Принстон получил продолжить обучение,
Мы удивлялись, как «пострел на все поспел».

Прошло три года – неожиданно беда пришла.
Наш сын с плохой компанией мог подружиться,
Немножечко вначале алкоголь, потом трава,
Мы поняли, что можем скоро с сыном распрощаться.

Собрались радикально все вопросы разрешить.
У немцев не без основания паспорта оформить,

Билеты на Германию купить – все позабыть,
Все нажитое за три года бросить.

Признаюсь, растерялся я, душа упала.
А перегрузка в пятьдесят превысила все «джи» «G»,
Опять мне в сорок пять все начинать сначала,
Не многовато это для одной души?

В Америке все, что купил, уж не продать,
Но ты ведь не богач, все бросить можно,
Я снова тягловая лошадь в сорок пять,
Ни бросить, ни продать меня уж невозможно.

А Бог велик – звонок нас разбудил,
Звонок был из Германии, из города Ганновер,
И Херман Хайнеманн, которого на Искии лечил,
Вдруг захотел лечение продлить – вот это номер.

Как говорят, «господние пути неисповедимы»,
Земля ведь держится на трех китах,
Синьор Зампери, Альдо Брокиери не проплыли мимо,
А третьего представить мы могли, но только лишь в мечтах.

Не надо ныть, не говорить нам «Ах!»,
С нуля немецкий немцу изучать потрясно,
К тому же, собираясь, зеркало разбили в пух и прах,
И оказалось, что разбили мы напрасно.

Хотя на этот раз мы были поумней.
Тряпье не покупали – позабыли,
И самолет на этот раз летел потяжелей,
Пятнадцать тысяч долларов, три языка мы увозили.

Мы прилетели в Лондон, ждал другой нас самолет.
Такая маленькая старенькая кроха,
И вот когда он разбежался и пошел на взлет,
Все поняли, сейчас нам будет плохо.

Он еле-еле оторвал свой нос от полосы,
На сотню метров, как колун, взлетел едва ли.
Две стюардессы к пассажирам тихо подошли,
Багаж немедленно тащить на «нос» нам приказали.

Он стал вдруг оседать на старенький свой хвост,
Турбины с визгом страшным скрежетали,
Вибрация пронзила всех и вся насквозь,
И пассажиры к Господу губами зашептали.

И вытянул он все же, «сукин сын», оставил жить,

Благодаря полтыще с лишком килограммов,
Которые успели к «носу» подтащить,
Но всех спасла, конечно, «наша пара чемоданов».

Жизнь VII часть

И вот Берлин – таможня: «Что у вас с собой?
Наркотики, оружие, денежки на проживание?»
Предъявлен паспорт «нансенса» – вперед, огонь!
«Ауфвидерзеен», «гуд бай», таможня, до свиданья.

Мы тут же в визовый отдел летим,
И по-английски сразу там растолковали:
В Америку мы возвращаться не хотим,
И чтоб немедленно нас немцами признали.

А немцы – радостный и юморной народ,
Такой же, как и мы, все понимали,
В тюремной камере, вместо отеля – все наоборот,
А утром на анализ кровь, мочу сдавали.

Затем нам сообщили, что с анализами все «о кей»,
По пачке сигарет и по конфетке дали,
И попросили в сборный лагерь поскорей,
Затем, чтоб в этом лагере мы документы сдали.

Опять на самолет, на этот раз – в Ганновер,
Теперь нам лагерь «Фридланд» надо поискать,
На электричку, и вперед за новой жизнью,
А от Ганновера поездка где-то восемьдесят пять.

Идем – дорожки длинные, то здесь, то там бараки,
И чем-то от Освенцима пахнет там,
А после всей свободы, что в Америке видали,
Смиряться с рабской ситуацией придется нам.

Здесь толпы всяческих людей шныряют по дорожкам,
На лицах омут, а в глазах один дурман.
Из казахстанских немцев, немцев из Поволжья,
А в головах коровы, овцы, баранье – сплошной туман.

Но, как глава семьи, решение я принял быстро,
Сдать документы – сверхзвуковую скорость обогнать.
В Ганновер к Херману – немедленно отсюда.
Скорей обратно на свободу удирать.

Вот встретились – объятья, чай и кофе,
О предстоящей жизни надо все прознать,
В отельчике мы сняли комнатку,
И удивительных событий стали ждать.

А в восемьдесят первом – страшный кризис разразился,
Жилья в Ганновере не прибавлять.
Три пятьдесят в апреле доллар стоил,
И я, давай накопленные денежки менять.

Прошли деньки, и в замечательном районе
Квартиру солнечную сняли, просто благодать,
Прекрасную в кредит купили мебель,
И зажили, как Боги, ну ни дать, ни взять.

Затем я приступил к лечению Хермана,
а случай необычный.
И доставлял меня к нему наш маленький автомобиль.
Все повторилось, случай ведь возможный,
Меня он снова в жизни подхватил.

С фамилией моей, да с опытом, с руками,
Скажу я искренне – мне очень повезло,
Чисто немецкая фамилия – я Фингер и почти ариец,
А что на треть еврей – так это ничего.

И через много лет я точно понял,
Работай честно, прилагай талант к мечте,
Теперь я знаю, несмотря на все невзгоды,
Могу достать работу даже на Луне.

Прошло шесть месяцев со дня приезда,
Квартира, мебель новая, автомобиль – плати.
А деньги, на которые живем, так быстро тают.
Казалось, скажем мы Германии последнее «прости».

Хоть пациенты были, мне нельзя по-черному работать,
Обязаны быть признаны – поставлены «на социал»,
Ассоциированы в обществе должны мы быть официально.
И если этого не будет, то Германию во сне видал.

Поехали во Фридланд, я был неизвестностью измучен,
Хромой к нам вышел немец, вежлив, не отнять,
И, что еврейка ваша мать, мне разъяснил с улыбкой,
Сказал, что, как своих ушей,
немецких паспортов нам не видать.

А все те люди, что бродили раньше по дорожкам,
Давно уж признаны, даны им медицина, социал,
Вот тут я не на шутку испугался, бедный,
Решил, что окончательно от поезда отстал.

Мне кажется, что хромоногий —
русский немец – полицаем был,

Что мать моя еврейка – так прихлясь ему по нраву,
И тот отказ признать меня я абсолютно заслужил,
Наверно, занимался выдачей евреев на расправу.

Теперь о сыне – ведь в Германии почти немой он был.
Рассказ о нем забросил я немножко,
И если он немецкого не знал, а это – будущего не добыл,
Хотя английский, итальянский,
русский – их не выбросишь в окошко.

Напомню, при немецкой дисциплине
Он все диктанты по-немецки должен был писать,
И в лучшей школе под названием «Бисмарк Шуле»
Он безнадежно и отчаянно стал отставать.

О Господи, как судорожно мы искали выход,
Чтоб сыну нашему хорошее образование получить,
И набрали на «Отто Бенеке» – образовательную школу,
Немецкий облегченный для начала стал он там учить.

Но находилась эта школа ведь совсем не близко,
В Германии на юг пять сотен надо отпахать,
Задача выпала на нас, и не совсем простая,
Как нам три года сына под контролем удержать.

Но, слава Богу, ни наркотиков, ни дури,
В то время по Германии почти и не сыскать,
Случаются, я думаю, банальные студенческие пьянки,
Но лучше ты у Пушкина спроси, нам их не избежать.

Ганновер. Домам 300–400 лет. Весна 1985 года.

Мне, как отцу, а маме – вдвое тяжелей,
Как тяжело впервые в жизни с сыном расставаться,
Одним, совсем одним три года ждать,

Ведь на чужбине нам одним придется пробиваться.

А время шло и шло – я с Херманом работал,
И времени в Германии практически не замечал,
Старался Херман, чтобы я побольше заработал,
И неустанно новых пациентов для меня искал.

А через год, когда была истрачена последняя копейка,
Немецкая бюрократия вдруг решила паспорта нам дать.
Когда, куда изъяли из меня и выкинули треть еврея?
И немцами чистейшими решили нас признать.

Мы – немцы, я и сын, и русская моя жена,
Господние пути и вправду неисповедимы.
Ведь верно говорят, что по отцу и сыну честь,
Тяжелый путь прошли, добились своего —
остались невредимы.

И так в Ганновере мы стали жить, работать.
Немецкий чистый, небольшой, опрятный городок.
Полмиллиона обитателей, прекрасные музеи,
Нидерсаксонский повсеместно слышишь говорок.

Красивейшие церкви, зелень и покой,
Не перечесть там магазинов с модною одеждой,
Дома, как новенькие – возраст триста, больше лет,
Трудись и радуйся – ты можешь жить с надеждой.

По середине города огромное озеро «Машзее».
Там карпы весом в килограммы плавают на дне,
Кругом цветы, гаштеты, где покушать.
Ганноверцев лица веселы и радостны везде.

Районы целые красуются средневековыми домами.
Здесь немцы создали упорнейшим трудом уют,
Простой лопатой «Машзее» выкопано на два метра,
И лебеди и белые, и черные нашли на нем приют.

Тогда – в году сорок четвертом, сорок пятом —
Союзные войска бомбежками прошлись везде.
Практически был уничтожен весь Ганновер,
Одно-два целых здания, а остальные – все в золе.

Уголок Ганновера.

Каким-то чудом в центре уцелели знаменитые часы.
Их имя «Кропке» – там свиданья назначались,
Веками за веками в верности влюбленные клялись,
Наверное, затем в ближайшей церкви и венчались.

Хочу две несовместных вещи привести в сравненье —
Нью-Йорк ведь, в принципе, картины из Дали,
Немецкий город дышит Ренуаром,
Но все, конечно, точно видится вблизи.

Ну почему я вспомнил о Нью-Йорке,
А потому, Высоцкий вдруг приехал к нам,
Я выбежал к его машине – дверь открылась,
С сиденья выпал он к моим ногам.

Но быстренько две молодые профурсетки
Его обратно вдвинули в салон – «япона мать!»
Ведь завтра перед тысячами эмигрантов
Коронный свой концерт в Нью-Йорке должен он давать.

А так мне не хотелось ехать в тот, чужой мне, город,
Но спас мою семью огромный «Кадиллак»,
И после страшной пьяни – тысячам Володя выдал,
С ресниц у баб ручьями тушь стекала, только так.

Потряс Высоцкий всех до основания,
Те песни пел, которые в СССР не пел.
Здесь были все свои, и гений все нюансы,
Всю нелюбовь к советской власти передать сумел.

А время шло, каким-то образом прошли три года.
Немецкий был в кармане, все, привет.

Сын аттестаты разослал, куда им было надо,
И получил два предложения в университет.

Из лучшего мы лучшее решали выбрать,
И, постепенно к выводу пришли потом,
Здесь штучною работой надо пробиваться,
И посоветовали стать зубным врачом.

Полдела сделано, и в высшую ганноверскую школу
Георгий поступил, с ученьем не было проблем.
Пять лет прошло, диплом врача получен.
Два года практики у частного врача пришлось пройти затем.

За это время поднимался лестницей образования,
Прибавил к званию врача он докторский диплом,
А аттестаты доктора мед. Дента гордо
Сюрпризом столь приятным притащил к нам в дом.

Однажды вечером, когда работал практикантом,
Пришел: «Мне помогите, антикварный шкафчик я купил»
Ну, мы пошли тащить, и в обморок упали:
От «Мерса» шестисотого он нам ключи вручил.

Из практикантской нищенской зарплаты
Он в банке взял, наверное, немаленький кредит,
По-видимому, оценив о нем заботу нашу.
Не испугался, что в огромные долги влетит.

А это был автомобиль в те времена особой касты,
В таких ведь ездило правительство и канцлер Коль.
Описывать его не буду, пусть опишет новый русский,
Теперь мы, работяги, тоже будем ездить, нам позвол.

По осени ходили за опятами чудесною порою,
Вокруг Ганновера из бука все леса.
Деревья снизу до верху покрыты шубою грибною,
И нам не верилось, что могут быть такие чудеса.

А рыбку половить хотелось, но не удавалось,
Ведь немец хоть педант, по-моему, он просто прохиндей,
Чтоб рыбку половить, ты должен год учиться,
Крючок как вставить, вынуть, можно насмешить людей.

Жизнь VIII часть

Прошло тринадцать лет Работали и потихонечку старели.
Осенним ветром, как с деревьев, сдуло с нас года.
И старость тигром подкралась, мне шестьдесят минуло,
Пришла пора с Германией прощаться навсегда.

Но эти годы зря мы не теряли – денежки копили.
Я понимал, без этого добра на старости пропал.
И по возможности на купленном автобусе-автомобиле
С женой я в разных странах побывал.

Присматривался, сравнивал, смотрел и выбирал.
На будущую жизнь основу подбивая,
На маленькую пенсию достойно мы не проживем,
Интуитивно я искал чего-то, сам не зная.

Чтобы спокойно доживать на старости года,
Должны мы были съемную квартиру бросить,
На накопления должны приобрести дешевое жилье,
А жизнь в Германии уютно-дорогую позабыть, забросить.

Швеция

А где найти такую нам, в какой стране,
Жилье где в этом мире «дешево – сердито»?
Среди пяти пропутешествованных стран,
Нашли одну, которая довольно знаменита.

Живет в ней восемь миллионов человек,
Две трети все в лесах и изумительных озерах,
Похолоднее, чем в Италии, здесь не растет имбирь,
А белые грибы растут там прямо на дорогах.

Тройку веков назад случилось – русаки
Ей пару раз по морде надавали,
Но эти времена от нас так сильно далеки,
Что шведы с той поры об этом и не вспоминали.

В стране так ровненько, спокойненько живут,
Простые шведы, работяги и миллионеры.
По праздникам все вместе песенки поют,
А при домах оград-заборов нет, по-моему, с начала нашей эры.

А Густав – Швеции хозяин и король,

В простецком гараже весь в ржавчине машины починяет,
Как Петр Первый в Петербурге сваи забивал,
О званьях их двоих никто вокруг как бы не знает.

Народец шведский властью хорошо обучен,
Чтоб выпить, в специальный магазин, придешь ты,
Хотя, быть может, к этому ты не приучен,
Сперва талончик, в очереди полчаса, терпи.

Питанье в Швеции в сравнении с Германией дороговато,
Зато участков и домов – лопатою гребь!
Дешевле в три, а может быть, в четыре раза,
Чем в странах остальных, где побывали мы.

«Ищите и обряцете» – закон библейской жизни,
Ему неумоимо следовали мы.
Четыре раза в Швецию мы приезжали,
И то, что нужно нам, мы, наконец, нашли.

Чудесный бунгало, одетый деревом и белым кирпичом.
Внутри все в дереве – огромная терраса.
Две тысячи квадратных метров нашенской земли,
Цена такая, что не оскудеет наша касса.

Внутри все в дереве, по девяносто метров есть на брата,
Участок-огород, ты из ручья насосом воду подавай,
Кусты рододендронов и благоухающей сирени.
Нам на двоих – не жизнь, а вожденный рай.

А стоит все – цена обычной однокомнатной квартиры.
Сто двадцать тысяч марок – бунгало была цена.
К тому моменту семьдесят мы накопили,
А пятьдесят судьба к покупке той недодала.

Но унывать не стали мы, обратно – на Ганновер,
К друзьям, что вылечены были мной в прошедшие года,
Мы посетили пятерых, нам одолжили по десятке.
Ограниченья времени на долг, расписок
не везли с собой тогда.

Теперь довольны мы, имеем то, о чем мечтали,
Свой дом и сауна в уютнейшем саду стоят,
Сын помогал – долги мы не спеша друзьям отдали,
Теперь в саду работать можем целый день подряд.

Природа Швеции

При доме при своем нам жизнь дешевле вдвое,
Рыбалке настоящей, ловле лаксов время подошло
Забот намного меньше, удовольствий втрое больше,
От жизни нам не надо больше ничего.

* * *

Час пятый бьет, тихонечко встаю,
Я не тревожу сон моей любимой.
Для ловли рыбы снасти достаю,
Иду на озеро дорогою недлинной.

Луга, туман, сейчас такая рань,
Вот воркованье, клекот голубиный,
Роса рассыпалась бриллиантами в цветах,
В природе мне звучит романс старинный.

На взгорках, глядь, в пробившейся траве,
Уж сотни крокусов ковром цветистым
Ласкают глаз в пастельной красоте
И выглядят раскинутым ковром персидским.

Смесь красок взволновала кровь,
Уж на востоке постепенно небо рдеет,
Светает, пчелы скоро полетят,
Туман пробит лучами, небо голубеет.

Необъяснимый гул кругом стоит,
От корня вверх в деревьях соки выбивает,
Миллиарды почек лопаются вдруг,

И радость жизни всюду проникает.

Деревья нежной веткою уходят в синеву,
Все ждут, когда душа их листьями проснется,
И после долгой спячки – вот теперь,
Тепла и солнца от природы не дождется.

Как будто бы деревьев голубая кровь
Во мне проснулась и не отпускает,
Я словно ласковым весны объятьем весь согрет,
И небо нежной синевой меня ласкает.

А запахи – о них как рассказать здесь мне.
Они везде – и от сырой земли, остатков снега,
В листе опрелом жухлом по весне,
И от всего охватывает душу нега.

Наш дом в Швеции.

Ну, вот и озеро агатом вставлено в леса,
Вокруг они стоят в обратном отраженье,
Вода, как зеркало, таинственно блеснит,
Такая тишина, как будто нет движенья.

Природа Швеции наполнена такою тишиной,
Здесь «суеты сует» ты не дождешься,
Орлана шурш крылами слышится порой,
Внезапно в тишину врывается рев лося.

У озера, наполненного тихой глубиной,
Ты тихо сядешь, размотаешь снасти,
Закинешь удочку на тридцать метров вдаль,
И жди, когда рыбацкое с небес получишь счастье.

Вот здесь-то и сожмется сердце рыбака,
Ты на провис натянешь голубую леску
И вдруг – толчок, она дрожит и тянет от тебя,
И удочка согнулася почти напополам – ой, будет треску!

Катушку судорожно вдруг закрутишь ты,
И вдруг там, в метрах тридцати, вода взорвется,
Огромной розово-сиреневой, упругою змеей
Перед тобой огромный лаке взовьется.

Такой теперь устроит цирк тебе,
С такой невероятною упругой силой,
Он будет жизнь свою теперь спасать,
А ты его держать и крепко, милый.

Прыжок наверх, затем стрелою вниз,
Держи его в натяге и не думай оплошать,
Цирк начался, почти неповторимый,
Не выдержишь, себя ты будешь проклинать.

Минут через пятнадцать ты его подтянешь
После отчаянной, мучительной борьбы,
И десять килограмм к своим ногам притянешь,
Измучены вы оба были – он и ты.

А осенью грибы и ягоды – малина и черника,
Грибами белыми ты можешь поиграть в футбол!
Малина ведрами, черника – хоть машиной,
И все-таки я недостаточно примеров здесь привел.

Вот такую коробку белых в урожайный год мы собрали с женой за два часа.

Жизнь IX часть

Через двенадцать лет пришлось оставить шведский рай.
Причина этого весьма проста и прозаична,
Судьбу не выберешь, такая дама выберет тебя сама,
А уж в какую сторону пойдет с тобой, тебе не безразлично.

И дама подсказала нам, что «Вы от сына вдалеке,
Уже по семьдесят обоим, даже боле.
Вы в одиночестве в далекой северной стране,
И что не долго вам осталось погулять на воле.

А что случись, к вам сын не сможет быстро прискакать,
В галопе резвом он коня загонит в пену,
Все продавайте, не жалейте ни о чем,
Поближе к сыну – уезжайте в Вену».

Что мы и сделали – все быстренько распродали,
Сменяли «шило мы на мыло» без навару.
Решили в Австрию мы переехать навсегда,
Там бросить якорь у последнего причала.

С природой Швеции мы не были на «Вы»,
А вот для шведов эмигранты не в престиже,
Природа Швеции близка, как милая сестра,
Но иностранцы шведам так нужны,
«как в финской бане пассатижи».

Австрия

Есть в Австрии волшебный чудный край,
Каринтией спокон веков он назывался.
Мне кажется, Господь такой имеет рай,
Благословлением его тот край остался.

Каринтскому народу абсолютно все равно,
Ты белый, черный в крапинку иль в сетку,
Национальности здесь все равны,
За это итальянцы и каринтцы не посадят в клетку.

Каринтия – долина, окруженная горами,
Пронизанная солнцем, проникающим везде.
Все создано людей упорными трудами,
Не сыщешь лучше ты для жизни на Земле.

Балкон той половины дома, что мы сняли,
Он дарит глазу твоему простор такой,
На сорок километров утопает в даях,
А на сто видишь ты его перед собой.

Здесь цепи горные, покрытые блестящим снегом,
Мне отражаются и в розовом, и голубом,
И ястреба внизу свободное паренье
С ним разделить мне хочется вдвоем.

А с задней дома стороны в оконце
Поля, пропаханные в черноземной красоте,
А где не вспахано, там бродят овцы,
Мелькая спинами в прокошенной траве.

На север двести, ты – в Германии, мой друг,
На юг проедешь двести – на гондоле покатайся.
А на востоке через пятьдесят – в Триесте вдруг,
Музеи посети и красотой наслаждайся.

Балконы в двадцать, тридцать метров, все в геранях,
Цветут невиданною красотой в горной высоте.
Вода по каузам к колесам мельничным вбегая,
Стремится вниз в ручей, бегущий в тесноте.

Форель в ручьях таинственно блистает,
Боками в черных, красных точках в глубине,
И солнца луч, пронзая воду, освещает тайны,
Сокрытые водой в неописуемой голубизне.

Озера с тростником вокруг здесь в логах повсеместно,
И дарят отдых и покой моей душе,
И таинством своим, и неба отраженьем
Царят цирцеями в волшебной красоте.

Раскинуты привольно горнолыжные курорты,
Стекает слалом с гор таким изящным поворотом тел,
И взметным снегом искрят снежные дорожки,
Ах! Побывать на этом склоне как бы я хотел!

Как жаль, что мы с женой уже не молодые,
И нам грозят такие спуски переломами костей,
Назад лет тридцать нипочем была такая горка,
И удивили б мы сегодняшних нуворишей.

И вот на этих замечательных курортах
Теперь вдруг появились русские нувориши.
Толстенной пачкой по пятьсот расплачиваются из кармана.
Наверно, важно это для бамбуковой души.

Каринтия, 2008

Какие здесь леса, какие ели высотой,
С останкинской сравнимы только башней.
Лукошки наполняются грибной красотой,
Домой придешь с добычей незряшной.

Среди брусничных листьев темноты,
Вдруг красный цвет – он подосиновиком назовется.
Тут бледная поганка с белым обнялась,
Опятами весь мокрый жухлый пенек взорвется.

Лисичек желтым цветом вдруг покроется трава,
Груздей тарелочками вогнутыми обернется,
Кругом кустов малиновых душисто-красные цвета,
И пара лисьих нор всегда найдется.

Принес грибы – укропчик, уксус,
перец и лаврушку раздобудь!
И приготовь грибочки в чудном маринаде,
Графинчик с ледяною водочкой не позабудь,
И будет пребывать душа твоя в божественной отраде.

Невдалеке от дома чудо-озеро лежит,
Сапфиром темно-голубым в зелено-изумрудовой оправе,
Там в тихой глубине зеркальный карп, и линь, и сом,
Поймаешь их, но не во сне, поймаешь в настоящей яви.

Прислушайся и посиди тихонечко на бережку,
Услышишь, где-то там вода всплеснется.
А это щука крупная схватила карпа поперек,
И он теперь от щучьей пасти, ну, никак не увернется.

С куста на куст перелетают, с краснотала в краснотал.
Десятками такие маленькие неизвестные мне птички,
Но я не орнитолог, не могу их всех назвать,
И много там, что называются синички.

Природы насмотрелся, так в Италию езжай поесть-попить,
Садись в машину – через шестьдесят —
граница, ты в Тарвизио приедешь
Там много магазинов модных посетишь,
Из ресторана ты голодным не уедешь.

Ну вот, закончилось повествование мое,
И описание многотрудной жизни нашей.
Наш якорь брошен, до свидания, «адью»!
И все-таки я не желаю повторения такого в жизни вашей.

P.S. Чудеса

Хотя могу продолжить я повествование мое,
И рассказать о чудесах, произошедших в нашей жизни,
Которые произошли с моей семьей потом,
За тридцать два после прощания с Отчизной.

А всех их двадцать, этих вот чудес,
Молитвою горячей, обращенной к Богу,
Была нам помощь послана с небес,
С их помощью мы одолели трудную дорогу.

Начнем: я в девяносто третьем посетил
родные улицы Москвы,
Подъехало ко мне такси, водитель был татарин.
Разговорились, как обычно, мы в пути,
Необычайным происшествием тогда я был одарен.

* * *

Неразрешимые четыре вещи мучили меня,
Неделями не мог достать билеты на Ганновер,
И защемление грыжи паховой замучило тогда,
Без операции, наверно, через пару дней я б помер.

Еще неразрешимые две вещи я имел:
Друзья-художники прекрасные картины подарили,
Но их не мог в Ганновер взять с собой,
Без разрешения министерства на
таможне б их не пропустили.

К тому ж, знакомая моя в Москве осталась без жилья,
На улице, бедняга, оказалась бомжем.
Конечно, волновалась вся моя семья,
И разрешение этой ситуации казалось невозможным.

Таксист сказал: «Даю тебе три дня
И разрешу твои проблемы без вопросов.
Невидимым защитным полем окружу тебя,
Все трудности твои оставим с носом».

И началось, с таксистом попрощался я в недоуменье.
На Белорусском женщина вдруг подошла ко мне,
Билет на нужный день, на нужный час мне предложила,
Поверить я не мог, все было, как во сне.

Таксист сказал: «Как терапевт совету ты не удивись,
Ты можешь знать, как операцией хирурги зашивают грыжу,
С молитвой к Господу горячей обратись,
Препятствия в твоей удаче я не вижу.

Ложись в кровать, усилием воли в мыслях
Ты столик с инструментами к себе подвинь, но не спеши,
Шаг за шажком разрезы скальпелем проделай
И операцию ты по науке в мыслях точно проводи».

Я утром встал без сил, опустошенный,
И закричал жене: «Выбрасывай в окно стальной бандаж!
Здоров, без грыжи я, мы без хирурга обойдемся.
Могу теперь любые тяжести таскать, любой багаж!»

Я уложился в те очерченные мне три дня.
Картины я провез через таможню, и без осложнения,
Московских взяточников телефонным
разговором пригвоздил,

Квартиру бедной выдали,
из трудного мы вышли положенья.

Все, что я описал, все это правда,
Не меньше пятерых свидетелей все могут подтвердить,
Я понял, не таксист он был, а ангел мой хранитель,
И только он такую нереальность мог осуществить.

«Всё не вспоминай ты Бога» по библейскому закону.
Я следовал ему, не вспоминал,
А остальные чудеса – шестнадцать, что случились,
Нам грешным почему-то вдруг Господь послал.

Так горько все, о чем сейчас пишу я,
Тяжелый жребий выпал нам, один на миллион,
Вдруг ножка заболела у моей жены любимой,
Саркомой страшной обернулся он.

Неведомые силы, помогающие нам
Вдруг всею мощью на несчастье навалились,
Отделались мы, к счастью, лишь отрезанной ступней,
При помощи тех сил мы быстро спохватились.

Наличие этих страшных клеток в тканях
Врачи и профессура скоро не могли определить,
А дело в скорости, Бог подсказал – и оперировали быстро,
Иначе больше чем четыре месяца жене бы не прожить.

Здесь пять – пятнадцать остальных случившихся чудес
Не менее серьезными и значимыми были.
Небесной силой, помощью мы не были обделены,
И никогда мы, благодарные, об этом не забыли.

Вот и закончился рассказ, а может быть, не так!
А может быть продолжить мне свое повествование,
О ранней юности добавить мне рассказ,
P.S. поможет мне в дальнейшем жизни описании.

Как рассказать о гибельной и холода, и голода поре,
Когда расстаться с жизнью, что два раза плюнуть.
Как может человек прожить в такой среде,
Которую нарочно не представить, не придумать.

P.S. 2. Эвакуация

Москва – сорок второй и отступление.
Шли трудные, голодные года и холода.

Одних на фронт, другие пригодятся в зеки,
А женщин и детей – в эвакуацию тогда.

Моей семье тогда досталась доля,
Чиновник в карту пальцем ткнул – чудак,
Раз ткнул – приказ: нам надо ехать,
Башкирия, село Михайловка, Стерлитамак.

А мой отец и мамин брат замучены в подклетье,
Нужда и бедность – перспективы никакой.
Война проклятая за все в ответе,
Теперь и крыши нет над головой.

Москва, перрон обледенелый и холодный,
Товарняки стоят не просто так,
И рваная толпа людей голодных
Испуганно врывается толпою в товарняк.

А бедная, несчастная, испуганная мама,
Держа меня усилием на руках.
Боялась, чтоб толпа не задавила брата,
В глазах стоял у мамы страх.

Теплушка, весь соломой застеленный пол,
В углу буржуйка и параша наготове,
Там тридцать человек, пылища там над головой,
И женский плач, и вой в сопровождении конвоя.

Эх, Сталин, Сталин! Друг-отец народа.
Как позаботился о женщинах и о детях своих,
Какие карточки в пути, еды ведь нет запаса,
А кушать детям надо, не попросишь у чужих.

Мороз под сорок, а в теплушке – толкотня и духота,
Колесную чечетку отбивая, на путях качаясь,
Наш паровоз семью куда-то вез тогда,
Как черепаха, к цели продвигаясь.

Проедет пару километров, стоп – стоит
Тут воинский везет зачехленные пушки,
Стоит часами, свистом выпуская пар,
Наш путь – аж в восемьсот, а это не игрушки.

Четыре ночи-дня потратил на дорогу,
И высадил на землю нас: Стерлитамак,
Ну, сотенка обтрепанных домишек,
И степь замерзшая – не жизнь, а мрак.

Через часа четыре дровни подкатали,

На сено мама положила чемодан,
И в будущее беспросветное мы покатали,
Хотя за это прошлое я жизнь отдам.

Михайловка – приехали. Трубой дымок,
К земле дома, как панцирь черепаший,
Домишки нищие, теперь здесь жить,
И мама мучилась, как жизнью жить тогдашней?

Кругом промерзшая до хруста степь,
Ковыль качается под ветром, нагибаясь,
Уж вечереет, за дровнями парочка волков,
Бегут легко, не напрягаясь.

Приехали, калитка заскрипела и открылась.
Хозяйка встретила – Анютой называли,
Собака рядом с нею одноглазая стоит,
Мой друг потом, собаку «Верным» называли.

Ну что! Вот сени, а потом изба,
Я помню, без еды заночевали, стужа.
В сенях ведро воды, чтоб пить и есть,
А что с Анюты взять – двое детей, без мужа.

Проснулись рано, мама в сельсовет
Пошла устроиться на проживание,
Потом пришла, краюха хлеба, просо на обед,
С Анютою нашли мы полное взаимопониманье.

И потекли деньки до самой до весны.
Наш Верный тем, что оставляли по нужде, питался,
Преподавала мать за трудовни,
И черный хлеб нам все же доставался.

Война, глухая степь, всех мужиков забрали,
А волчьи стаи в голодень и ледь
Так обнаглели – всех собак сожрали,
И нас могли через забор – здесь надобно смотреть.

Но Бог велик – дал до весны дожить,
Мне восемь и четырнадцать уж брату,
Мы мужики, нам надо хлеб добыть,
Чтоб маме легче – в пище не было нам недохвата.

Бегу на МТС – эх, рано, пять...
Бегу, чтобы запрячь свою кобылу,
А в шесть у председателя она должна стоять,
Чтобы помочь нам победить, хотя бы с тылу.

Ну, смех и грех – смотрите, как смешно!
Одной ногой я поверху забора опирался,
Рукой затягивал супонь – эх, тяжело,
И к председателю колхоза я галопом мчался.

Я был всего росточком метр тридцать,
И дотянуться мне тогда до хомута,
Да затянуть супонь и постромки приделать,
Что на луну взлететь. А как туда.

Малыш и быстрый, и задорный
Кобылу все же, хоть с трудом, но запрягал,
И по селу, сидя на лошади проворной,
Я к председателю ко времени кобылу доставлял.

Ребенок крошечный, ослабленный, полуголодный,
Не раз гонял с ребятами в ночную лошадей,
Бывало, собирались волки стаею голодной,
В отсвете от костра глаза отсвечивали светом фонарей.

Какие звери – и упорные, и верящие в силу,
Под искрами костра, сжимаясь все вперед-вперед,
Пока смертельным кругом нас почти не окружили,
К утру нас не было б, а может, и наоборот.

Ну, слава Богу, мы остались живы по сей час.
О лошадь, друг мой, незабвенный, верный,
Из смертного предела ты спасла всех нас,
Из смертного кольца – и это подвиг беспримерный.

Затем весна и пахотная та пора,
Весна-весна, очей очарованье!
А в пору холода и голода, в те времена
Весна для подневольных – лишь одно страданье.

Все пахари на ватниках тут пьяные лежат,
А я, малыш, на паре лошадей, на двухлемешном плуге
Пашу огрехами все по углам, два лемеха скрипят.
Нет силы завернуть мне резко лошадей, идет по кругу.

А через пару дней райком прислал двоих,
Хотели за вредительство мне припать статейку.
Хоть восемь мне – я сын жены врага для них,
Ну, ничего, Бог спас – не сел я на скамейку.

Я Фердинанд – ведь имя-то врага напоминает,
А ничего, там бочка дегтя есть,
В нее меня, малышку, с головою окунают.
Из бочки вон бросают – ну ни встать, ни сесть.

А деготь ведь для глаз полнейший яд!
Глаза мои! Весь смехом я обсмеян,
Спасли. Промыли – здесь помог мне брат,
И маминым теплом, заботой я обвеян.

Весна, разлив, местами лед стоит,
А подо льдом, как под стеклом, видна.
И щука плавает, и карп, и линь лежит.
Там прошлогодняя просвечивает зеленью трава.

Пешнею лед пробьешь – и вынимай руками,
И в ямах плавником топорщится там ерш,
И сом лениво шевелит усами,
По ямам всех разлив туда занес.

Спасибо Богу, рыба есть, а пищи нет другой,
За ней в чувашскую деревню посылали,
В листе капустном масло со слезой,
А что трахома у крестьян – того не знали.

Трахома – страшная болезнь для глаз.
Но как-то пронесло, и мы не заболели,
И сливочное масло то, небольшое для нас,
Я, мама, брат, Аня быстро съели.

Вот так и выжили, а в сорок третьем дальнем
На полный риск поехали в Москву – суровой порой.
Запрещено – прописки нет и карточек на пропитанье,
Решила мама, все – домой, домой, домой.

Дорога на Москву не заняла четыре дня.
Два месяца те восемьсот мы ехали обратно.
Конвой вышвыривал из угольных платформ тогда,
Почти назад в Михайловку мы возвращались так-то.

Приехали – квартира запечатана, чужая мебель там.
Мы в коридоре месяцами ночевали, и надежда вся потухла.
Как выжили, не знаю – с горем пополам
От голода вдруг мама вся опухла.

Мы – нелегальщина, и карточки не для нее,
Истопником устроилась работать мама,
И тонны уголька бросала день и ночь
В пасть ненасытной той печи несчастная упрямо.

Мой брат устроился учеником у ювелира,
И к ювелиру генерал зашел тогда.
Просил фашистский крест он припаять – да без задира,

На золотую табакерку, и крепко припаять, и навсегда.

У ювелира лысого все волосы поднялись дыбом,
Фашистскую эмблему припаять на портсигар!
Ну, подмастерью сунуть – пусть паяет мигом,
А самому такое сделать – за решетку иль удар.

Ну, припаял, пришло для нас спасенье —
Четыре литра жира рыбьего он подарил тогда,
Они спасли нас: мы поправились – отъелись,
И блага этого, и генерала не забудем никогда.

Ну, выжили – и всем передаем привет!
Два брата. У обоих – высшее образование.
И мама выжила, а умерла аж в девяносто лет,
Великий подвиг совершив и выполнив задание.

Таким, как мать моя и мать моей жены,
При жизни памятники ставить надо.
А им в подарок – ужас нищеты.
А, впрочем, нам от подлецов и ничего не надо.

Ну, все – чернила кончились, и кончилась бумага.
Былое, прожитое никогда не вернуть.
Но Богом посланные нам и тяготы и блага
Нам, грешным, никогда не позабыть.

31.03.2009

Военные стихи героям войны

Предчувствие

Село российское, глубинное, дороженька в пыли,
Речонка мелкая с пескариками на ленивых плесах,
Да срубы пятистенки – церковка вдали,
Березки беленькие на пригорках в длинных косах.

Полынь – трава дурманом в голову зашла,
И рыжие подсолнухи следят за солнцем,
Шумок с гумна – полуденная тишина,
Старушек головы в повязанных платках в окнах.

Мальчишки заигрались тряпчным мячом,
И козы блеющие щиплют траву,
Деревня тихая залита солнечным лучом,
И сердце обливается душевною отрадой.

Большак. Большак – твой перекресток – весь в пыли,
Проезжую телегой взбаламучен,
И лес таинственный стоит вдали,
И сеном пахнувший овин над кручей.

Вот появился «Газик», вдруг остановясь,
И трое из морской пехоты появились,
Какая у морских с той деревенькой связь?
Похоже, адрес знали, взглядом зацепились.

Вот подошли к калитке, ко двору,
И к ним мужчина с женщиной из дома вышли,
И подошли к троим, поняв, что не к добру,
Молчали оба, погружившись в мысли.

Стояли молча, по щеке пошла слеза,
Все трое сняли перед стариками бескозырки,
Уж не дождутся старые домой сына,
И внука не дождутся, и его улыбки.

Проклятая война, затеянная ни про что,
Ты отнимаешь у людей все лучшее на свете.
Рыдают женщины и втихомолку – их мужья,
Уж не откроют в дом родной калитку дети.

Атака

Эх, ночь перед атакой, это же – Шекспир!
Здесь драма в драме – сказано в квадрате.
Просвечивает, как в кино, ракета темноту,
На дне окопов в думы погруженные солдаты.

Тот, кто не брился и не целовался никогда,
В воспоминаниях, как с Лелькой на «сельпо» нацелил
Подушечку в полосочку, другого, как всегда.
Зачем же он тогда ее так долго клеил?

Другой, постарше, он рукою об затвор,
Весь в думах о жене в квартире коммунальной,
Как там ребенок, и на что она живет,
Ничем не может ей помочь в той жизни дальней.

Другой весь ревностью измучился, не спит.
Как там невеста: иль верна, иль загуляет,
А вдруг к ней ночью хахалем, который на броне,
В письме она напишет – ничегошеньки не знает.

А как живет старушка-мать, и старенький отец,
Такие мысли многим в голову приходят.
Увидеть их в последний раз, когда-нибудь,
А жизни, может быть, последний час подходит.

Другой продумывает, как назавтра жизнь спасти,
Вместо себя другого жизнью расплатиться,
В глубокую воронку незаметно заползти,
И там до окончания атаки боя схорониться.

А есть такой – какому только порученье дать,
Он в голову твою залезет, и в дела и мысли.
В бою не вздумай повернуться вспять,
А то изменишь сталинской отчизне.

Хоть в каталажку – у него отца и мать,
Иль брата, иль сестру – он словом не вспомянет,
Хозяину лишь только приказать:
Христа вторично сам он на кресте распянет.

Вот так сидят, поникшие, и ждут.
А скоро тот проклятый бой – атака,
Когда же курево и водку подвезут,
Быть может. Бог спасет – пройдет все гладко.

А немцы – обстоятельный народ,
Они не делают, как мы, все на авось с размашки,
Там доты, блиндажи и бруствера укреплены,
Из «шмайсеров» бьют пули без промашки.

Ведь если думы те солдатские объединить —
Вот и получится огромная Россия,
Интуитивно знают, нас не победить,
Что Нострадамус сотни лет назад
нам предсказал – Мессия.

Атака – искривленный рот,
всех страхов нарисована палитра.
В газетах сказка, что у нас наоборот,
Но если интендант нам подвезет не сто – пол-литра,
Тогда изображу я смельчака, по пьянке брошусь я на дот.

Атака, в рваном воздухе «Впе...ред!»
И служит в том бою ориентиром
Нам смертью огненной, строчащий пулемет,
И наша грудь в бою нам служит тылом.

Проклятая насмешка в жизни той,
Ведь вроде должен ты бежать от смерти-пулемета,
А ты, наоборот, бежишь туда вперед,
Бежишь не ты один, а за тобой вся рота.

Атаки-боя ужаса не описать пером,
Она ведь хаос, ад неопишимо-кромешный,
Разрывы мин, визгливый вой, убитые друзья,
Ты весь в грязи, в крови, но ведь еще живой, сердечный.

Высотку мы не взяли – откатились мы назад,
Но это только маленькая передышка.
Высоцкий пулей в цель попал —
«Кому до ордена, ну, а кому – до вышки».

На одного лежат, разорванные, целыми кусками.
Здесь пять иль шесть мне дорогих ребят.
Не взяли мы высоту – ну проклятую не взяли,
А был приказ, «мы за ценою не стояли», был откат.

В весеннем том леске, что под Москвою,
Я поднимаю бережно – волнения не утаю —
Быть может, эту каску, что была над головою
Того, кто с Лелькою спешил в сельпо, ну, а сейчас в раю.

Я, поднимая, не хочу ее смотреть-крутить,
Чтоб не увидеть маленькую роковую дырку,

Ту, без которой мог он жить и жить,
Прижавшись к Лелькину окну смешною носопыркой.

Ну, вот она на каске – вот она, пробивши сталь,
Убойной силою сразила этого мальчишку.
Он жизнь мне подарил, «и смертью смерть поправ»
И в горе я стою, оплакивая деревенского парнишку.

20.03.2009

Награда

Сейчас цветущий май, сорок шестой,
Я вижу на Тверской два смутных силуэта,
Но двигаются быстро, прямо на меня,
И не увеличиваются при этом.

Вот приближаются, и что же вижу я?
На маленьких фанерках там сидят обрубки.
Фанерки на подшипниках стоят
Бинтами перевязаны и искалечены их руки.

Вот, как ракеты, приближаются они,
С асфальта фейерверком искры выбивая,
Здесь два солдатика, и наперегонки
На площадь Красную – зачем, не знаю.

И поравнялись, гимнастерки в орденах,
А на пилотках звездочки сияют,
И с удивлением прохожие глядят,
Зачем такие скорости, не понимают.

А что глядеть? Ведь юноши они,
Но только нету ног, обожжены войною,
Ведь все отдали Родине – все, что смогли.
Вот и затеяли перегонки между собою.

А там внизу метро, «Охотный ряд»,
И там знакомые мои на тех фанерках,
Вот два солдатика знакомые сидят,
И подаяние в пилотки им бросают редко.

Так редко, но не потому, что сердце не болит,
А просто денег нету у прохожих,
Ведь их самих давно от голода мутит,
И могут сами в обморок упасть, похоже.

Ах, играет гармоника родная,
«разлюли» малину я пою.
И в пилотку падает копейка,
На которую по-нищенски я с мамою живу.

Мне – пятнадцать. Я – здоровый, невредимый,
Снизу вверх ты смотришь на меня.
Как же покалечило тебя, родимый,
Сверху вниз смотрю я на тебя.

Маленький автомобиль им Родина должна
И квартиру предоставить и без промедленья.
Но фанерку предложила им она
Ничего не сделала, при том без сожаленья.

Через год я встретил их опять – пропал,
В грязных гимнастерках орденов уж нету,
По нужде продали тем, кто и не воевал,
Пьяных вдребезг – в их пилотках денег тоже нету.

Я не стал стоять – чтоб сверху вниз,
Я присел на корточки перед судьбою.
И зрачок в зрачок – смотрел на них тогда
Разница в пять лет была у них со мною.

Это было в том сорок седьмом году
Через год случилось по-другому,
Там, в Москве, безногих и безруких собрали
И отправили их в дальнюю дорогу.

Эх, играй гармоника родная!
«Разлюли малину» я пою.
Нету ног – уж ничего не проиграю
На копейку от прохожего живу.

Нет теперь игры вперегонки – ну нет.
Их судьбу решили «наверху», ведь там «мессия».
Утопить всех этих нищих дураков,
Чтобы не позорили в дальнейшем мать-Россию.

Ту прекрасную страну зачем позорить им,
Недостойно сталинской великой эры,
И пошли калечить судьбы искалеченных солдат.
Как всегда в России – как всегда без меры.

«Франца-Йозефа» промерзшая земля,
Чайки стонущие с высоты, паря, смотрели,
Как одна там за другой взрывалась баржа,
И герои русские, наверно, в рай летели.

Чувствую себя одной из этих чаек,
До сих пор мне стоном так стесняет грудь,
Отрыдали матери, оплакали убитых,
Мало тех осталось, кто их может вспомнать.

Приходи и ты на берег тот обледенелый,
Посмотри, как чайки реют – стонут там вдали,
Поклонись солдатам, подвиг их бессмертен,
И к земле с поклоном, плача, припади.

7.03.2009

Катюша

Война. Под утро в мерзости земля и тишина.
Лишь воронье над костровищем каркает и реет.
Смотри, земля по кочкам кровью залита,
А это кровь солдат там на снегу видна и рдеет.

И что случилось с этой тишиной,
Ведь тишиною не была она когда-то.
В траншеях жизнь кипела тихой кутерьмой,
Вчера готовились к смертельной схватке там солдаты.

Вчера траншеи обходил тот приглушенный говорок,
Который всех солдат сопровождает перед боем,
То лязг затворов, звон от котелков и курева дымок,
Нередко прерываемый летящей мины воем.

Случилось. Интендантская порода не всегда щедра.
Конечно, курево, сто грамм всем выделяет перед боем.
Но здесь ошиблись – и за завтра приняли вчера,
Нам за день водочки доставили. Не перед боем.

Понятно, что развеселилась рота вся,
Ведь боевые сто – вдвойне. От всех разило перегаром.
За два часа мы выпили и выкурили все,
Чего не покурить и выпить, если все задаром.

Но все же интендант отъевшийся
потребность в водке не покрыл.
Хотя, какое счастье выпало солдатику на душу.
А на Руси как повелось – ты выпил, закурил,
А ну, давай-ка, запевай «Катюшу»!

От нас, примерно метров так в трехстах.
Немецкая траншея долбаная пролегала.
Нам слышалась оттуда по-немецки трескотня,
И просьба о «Катюше» – вайтерзинген – нас достала⁴.

Нарисовался шнапса, курева хороший шанс достать,
Кто не дурак и покурить, и выпить на халяву.
Парламентера стали быстро выбирать,
Чтобы попробовать немецкую отраву.

Парламентера выбрали, и Ванька побежал,
Сквозь мертвую пристрелянную зону,

⁴ Вайтерзинген (нем.) – пойте дальше, еще.

Спиной своей себя от пули защищал,
И добежал, стервец, а то бы не было резону.

Наверно, немцам там он все растолковал,
Как проведем обмен и сколько раз исполним,
Конечно, жизнь свою он в ноль застраховал,
И белым флагом нам салютовал, довольный.

Ну, мы пятнадцать раз «Катюшу» голосили.
Доголосились до того, что голос наш пропал.
Зато напротив немцы так Ванюшу напоили, накормили,
Что без сознания на дно немецкого окопа он упал.

И немцы были тем концертом так довольны,
Как будто пел им Александровский военный хор.
Решили притащить в окоп к нам Ваньку,
Нельзя же немцу нарушать общественный наш договор.

Солдатики немецкие простые работяги были,
И совесть, и порядочность к другим были у них,
Они в мирных временах, да и в войну не позабыли,
Что Бог дает все блага не для них одних.

И в сереньком завьюженном рассвете, где-то в пять часов,
Два немца – нам ровесники, почти что дети,
Нагруженного шнапсом Ваньку потащили к нам в окоп,
Чтобы вернуться к бою на рассвете.

Светлело, снайперам советским – неплохая цель.
Туманом предрассветным в немцев не попали.
Господь на этот раз их сохранил на час,
К своим живые невредимы добежали.

А в шесть утра закончилась для тех и тех война,
Любимым матерям и девочкам они не дописали,
В течение часа самолеты всех отправили их в никуда,
Троtilом в тыщи килограмм окопы все с землей сравнивали.

Прошли десятки лет – на этом месте я стою,
Прислушиваясь, может быть, раздастся песня о «Катюше».
Виновных и невиноватых в этом не ищу.
И боль, и сострадание, и слезы рвут мне душу

18.03.2009

Елена Алексеевна Орлова Женицина, защитившая Родину. Мама моей жены.

Елена Алексеевна Орлова

Матери жены посвящается

Тот сорок первый не забыть мне никогда,
Тот год ужасный – и опасный, и смертельный,
Тогда в стране всем было не до палача,
Который утопил страну в той войне предвоенной.

Военкоматы – там огромная и тихая толпа,
С призывом сердца ведь не совладаешь,
А чем окончится то завтра – не вчера,
И чем окончится твой путь, ты этого не знаешь.

Винтовку в руки – образцу уж сорок лет.
С одною пулею там вздергивай затвор – стреляет,
Так, из такой стрелял в французов мой отец,
Там в Первую, как из такой стрелять, не понимаю.

Одна граната в руки – патронташ,
Вчера десятилетка, а сегодня – скатка.
Верхам ведь все равно, ты мертвый иль живой,
И предстоит назавтра новобранцам схватка.

Просчитано так все неправильно, пойми,
У немцев даже ранец из оленьей кожи,
И посмотри, что в ранце там внутри,
Не удивляйся, в «Кащенко» ты попадешь, похоже.

А там внутри от фройляйн письмецо,
Тушенка там и шоколад отменный,
На шее бляха с номером, коньяк и шнапс,
И пулями заполнен патронташ военный,

А автомат!!! Его не надо перезаряжать.
Полроты он уложит без промашки.
И что такое перед ними наш необученный солдат?
Для них он не солдат, ну так себе, букашка.

Начни с Норвегии и дальше при на юг,
До Португалии и Африки все смазано, как надо.
Да плюс еще немецкий «квалитет»,
И отпуск к фройляйн полагается солдату.

Еще плюсуй – немецкий наверху головорез
Лелеял и щадил командных высших офицеров,
А наш головорез их просто истребил,

А заодно солдатских – и отцов и дедов.

Москва – пустыня. Тут и там стоят ежи,
Сварили их из двухтавровых балок,
На окнах камуфляжные везде щиты,
И тысячи мешков с песком, где это надо.

На улицах защитных дирижаблей рой,
Авоськами накинута сетей – «Феллини»,
Их держат девочки шестерками по сторонам,
Они плывут по площадям в моих глазах доныне.

Военкоматы – девочки в носочках, туфельки на ремешке,
В то никуда мальчишек, провожая, плачут.
Труба и туба утонула там в фальшивом «ре»,
И осеняют их родители крестом – так, на удачу.

Средь добровольцев, ожидающих в толпе.
Лет двадцати семи там женщина стояла,
Намного старше молодых призывников,
И время на комиссию спокойно ожидала.

Красивою и статною та женщина была,
И воевать за Родину была готова,
И дочку чудную четырехлетнюю на свет произвела,
А звали эту женщину Елена Алексеевна Орлова.

Столица вымерла, преследует всех страх,
Из громкоговорителей несется голос Левитана,
Ведь он сейчас зачитывает Молотова речь.
Война. Стране нанесена зияющая рана.

Ну, как и почему случилось вдруг?
«Ведь разве мы такое заслужили?»
Министр иностранных дел такое произнес!
Как будто гордости и нет, ну, нет ее в помине.

Ведь как холИли и лелеяли Германию свою,
Вооружали задарма, огромные составы гнали,
Вооружили, миллионы добровольно сдались в плен,
А тыщу лет в России ведь такого не видали, не слыхали.

Чехословакию и Польшу растерзали на троих,
И планы Молотова-Рибейтропа подписали.
А Франция и Англия довольны были тем.
Что шкуру собственную Гитлеру не проиграли.

А о последствиях не думали, там не было ума,
Париж захвачен был, а Польша вся разорена.

Не знали? Руины Ковентри и Лондона лежат в пыли,
Как так придумать? Миллионы пострадали.

Ну вот, война приблизилась к концу,
И мать моей жены с оружием прошла до Вены,
Контужена, а фотография
с ее друзьями боевыми на моем столе.
Какие лица, как же счастливы, дождались перемены.

Вернулась, доченьку родную, родственников обняла.
Надеялась, ну вот теперь уж будет счастье,
Как бы не так, усатый там в Кремле, там наверху
Уже готовил для героев новое несчастье.

Что видели на Западе – усатому великий грех,
Все побежденные там жили в сто раз лучше.
Мерзавцы все расскажут, вся и всем,
А может, расстрелять, сослать? Так будет лучше.

Нет, больно много тех солдат с извилиной наоборот,
Давай-ка им работы не давать, раз не добились,
Квартир им не предоставлять, во всем подозревать,
И бытом нищенским замучить их, чтоб позабыли.

И для Героя Русского, солдатки молодой
Вдруг начались и поиски работы, и бараки.
Она подумала, что лучше там, где смертный бой,
Чем мучиться в дремучей нищете последнею собакой.

Я помню, как в зрачках миндальных цвета глаз
Необратимый страх с тревогою стояли,
Боялась без работы вдруг остаться, без жилья,
Не знала, бедная, какие же мучения ей предстояли.

Вот кончилась война – Настало жизни лето.

Австрия – май 1945 г. Фронтовые друзья.

Прошли года, и в пятьдесят седьмом году
В двухкомнатной квартире комнаткою оделили.
Пожили б сами в той отравленной среде —
С туберкулезными в открытой форме поселили.

Вот так текли года, и тихая интеллигентная семья
Из мамы-дочки с жизнью разбиралась.
Елена Алексеевна не вышла замуж снова никогда,
Для воспитания дочки вся работе отдавалась.

Вот так и подарила мне красавицу-жену,
С редчайшей милой скромностью и тактом,
Жена со мною вот уж пятьдесят всегда,
И мамы смерть потерей обернулась безвозвратной.

Ей не было шестидесяти, когда она ушла.
Но понял я, что тайну жгучую о той войне хранила,
И если я расспрашивал ее в те времена,
Она от этой темы деликатно отходила.

С конца войны задавленная постоянно страхом, бытом,
Чтоб быть не забранной за правду в лагеря,
В какой-то тягостный момент она решила,
Что в этой вот стране, как многие другие, не нужна.

Какое горе! Мы с женой с таким столкнулись,
Что не забудем это горе никогда,
По-человечески, без взяток, ты не будешь похоронен.
Хоть расплысь, из глаз исчезни навсегда.

На грязном поле копошились сгорбленные люди,
В могилах, вырытых на скорую, вонючая вода.
И я сказал жене, что лучше сам туда я лягу,
Ей не лежать в такой могиле никогда!

Нашли для похорон, при взятках, место еле-еле,
И не успела урна в месте том пробыть,
Когда сказали нам, чтобы ее немедленно убрали,
Чиновника большого в этом месте надо хоронить.

Мне было сорок два. Обидою чудовищной замучен.
Вдруг понял я, что эта Родина – не для меня.
И я решил со всей семьею
От этой злобной мачехи уеду навсегда.

Никто в последний путь нас не сопровождал,
А в стороне стояла мать, тихонечко рыдая.

Догадываюсь я, что думала она
В то никуда и без надежды встретиться, сыночка провожая.

Не провожали нас не потому, что не любили.
Ведь в молодости все тебе и брат и друг.
А потому, что души в страхе утопили
В те времена работы каждый мог лишиться вдруг.

Мы поднялись по лестнице в таможеню,
По сторонам солдаты клацали затвором «калашей»,
Здесь нам сказали – чемоданы на стол,
Да пошевеливайтесь с этим поскорей.

Какие чемоданы – только чемодан и сумку
Сумели мы от прежней жизни накопить,
А главное, лежала в чемодане урна,
В которую прах матери жены успели положить.

А мать жены святою женщиной была.
Прошла войну с оружием до Вены.
И наградили, в коммуналке прожила,
И с жизнью счет свела, не дожидаясь перемены.

«А в этой вазе что?» – последовал вопрос.
Ну. и зачем таможеннице ждать ответа,
По урне молотком произведен удар,
И высыпан был прах святой на грязную газету.

«У вас, быть, может бриллианты здесь.
Мы знаем вас, предатели без чести,
Награды и медали тещины на стол!
Мы не позволим вывезти на Запад эти вещи».

И долго в прахе том возился сатана,
А я стоял в оцепененье жутком,
Не мог поверить в то, что вижу я,
Казалось мне, я тронулся рассудком.

Вот так, ограбленные телом и душой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.